

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 1 • 2012 • ЯНВАРЬ–МАРТ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

От редакции 3

Общая теория перевода

Мишуров Э.Н. Язык, «языковые игры» и перевод в современном лингвофилософском и лингвокультурологическом осмыслении 5

Ван Мэняо. Направление китайского перевода с точки зрения развития китайской теории перевода 16

История перевода и переводческих учений

Голубева-Монаткина Н.И. Русский переводчик французских президентов 23

Костикова О.И., Чэнь Шуи. Становление китайской переводческой традиции: практика, критика, теория 31

У Пин. Перевод стихов и песен М.В. Исаковского в Китае 49

Методология перевода

Чугунов А.А. Обоснованность использования приёма транскрипции/транслитерации при переводе банковской терминологии 56

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

Богатикова Ю.А. Псевдодокументальность как приём в художественном тексте 62

Лю Ди. Транспозиция деепричастий в аспекте их перевода на китайский язык 73

Рецензии

Кульпина В.Г., Татарinov В. О сопоставительных аспектах польской когнитивной этнолингвистики 82

Editor's Note	3
General Translation Theory	
<i>Mishkurov, E.N.</i> Language, Language Plays and Translation through the Contemporary Linguo-philosophical and Linguo-cultural Comprehension	5
<i>Wan, Mengyao.</i> The direction of Translation in China from the Point of View of the Development of the Chinese Translation Theory	16
Translation History	
<i>Golubeva-Monatkina, N.I.</i> Russian Interpreter of French Presidents	23
<i>Kostikova, O.I., Chen, Shuyi.</i> Chinese Translation Tradition: Practice, Criticism, Theory	31
<i>W, Ping.</i> Translations of M.V. Isakovsky's Poems and Songs in China	49
Translation Methodology	
<i>Chugunov, A.A.</i> The Validity of Transcription/Transliteration in Banking Terminology Translation	56
Linguistic and Culturological Aspects of Translation	
<i>Bogatikova, Y.A.</i> Pseudo Non-fiction as a Form of Fiction	62
<i>Liu, Di.</i> Transposition of Russian Adverbial Participles in Terms of their Translation into Chinese	73
Рецензии	
<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.</i> О сопоставительных аспектах польской когнитивной этнолингвистики	82

Уважаемые читатели!

В этом номере журнала мы публикуем серию статей наших китайских коллег — преподавателей, стажёров, аспирантов Московского университета, — посвященных различным аспектом науки о переводе.

Такая подборка статей представляется нам весьма актуальной для современной российской науки о переводе, не имеющей на сегодняшний день достаточных данных об истории развития переводческой деятельности и переводческой мысли в «Поднебесной», несмотря на то, что эта древнейшая цивилизация, несомненно, имеет огромное переводное наследие. Современные китайские исследователи проблем перевода нередко признают, что теория перевода в Китае делает только первые шаги. В то же время Китай имеет древние переводческие традиции, в китайской культуре нашли достойное место многие произведения авторов запада и востока, переведённые на китайский язык: от буддистских сутр до художественных и научных произведений западных авторов, от христианской Библии до трудов классиков марксизма-ленинизма. В истории переводческой мысли в Китае выдающуюся роль сыграли гуманисты прошлого: Янь Фу, выдвинувший на первый план категории верности, выразительности и изящества перевода, Лу Синь, предъявлявший к переводчикам требования ясности и соблюдения облика оригинала, и многие другие. Переводческие концепции древних филологов не только заложили основы китайской науки о переводе, но и сохраняют свою авторитетность для современных китайских переводчиков и лингвистов.

В статье Шуи Чень рассматривается история перевода в Китае до начала XX века, а точнее до «Движения 4 мая за новую культуру», начало которого относится к 1915 г. Автор пытается найти истоки переводческой мысли в истории китайской цивилизации в разные исторические периоды, рассматривает особенность переводческой практики в каждый из выделенных периодов до начала XX века, знакомит российских теоретиков перевода с наиболее известными китайскими переводчиками, их теоретическими трудами, посвящёнными переводу, анализирует роль перевода для развития китайской культуры.

Но не только древняя история переводческой мысли в Китае интересна для современной науки о переводе.

«Историческую эстафету» подхватывает статья Ван Мэняо, посвящённая теории и практики перевода в Китае после «Движения 4 мая», после реформы китайского языка, осуществлённой в 1919 году.

Автор рассматривает состояние и развитие теории перевода в современный исторический период и высказывает предположения о возможных тенденциях развития науки о переводе в Китае. В статье освещается, в частности, такой важный аспект современной китайской науки о переводе, как сочетание классического китайского знания о переводе и современных западных теоретических концепций в этой области.

Немалый интерес для российской науки о переводе представляют и более частные вопросы переводческой практики китайских филологов-русистов, обеспечивающих вхождение произведений русских авторов через перевод в китайскую культуру.

Статья Пин У посвящена переводу стихов и песен М.В. Исаковского в Китае, в частности, всемирно известной «Катюши». Благодаря усилиям нескольких поколений переводчиков стихи поэта издавались и переиздавались на китайском языке, а теоретические работы поэта, посвящённые поэтическому мастерству, секретам поэтического творчества, переведённые на китайский язык, до сих пор оказывают определённое влияние на творчество современных китайских поэтов.

Для методологии перевода, частной теории перевода и переводческой практики в комбинации русский язык — китайский язык немаловажное значение имеют исследования самых разнообразных лингвистических аспектов данной пары языков, возможностей передачи средствами одного языка значений другого. Одному из таких вопросов посвящена статья Ди Лю, в которой рассматривается проблема транспозиции русских деепричастий и способов передачи их значений в переводе на китайский язык. В процессе анализа транспозитов выявляются их грамматические свойства, которые следует учитывать при переводе. В статье последовательно описываются различные средства китайского языка, используемые для перевода деепричастий и их транспозитов.

Следует отметить, что публикуемые работы построены главным образом на китайских источниках, что представляет особый интерес для российских исследователей, не имеющих возможности ознакомиться с научной литературой на китайском языке.

Подборка статей китайских коллег, исследующих переводческую деятельность в разных её аспектах, историю переводческой мысли в истории китайской цивилизации, ещё раз показывает универсальный характер переводческой деятельности, без которой невозможно представить себе нормальное функционирование человеческого общества ни в каком уголке мира, ни в какой исторический период.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Э.Н. Мишкuroв,

доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mishkurov@inbox.ru

ЯЗЫК, «ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ» И ПЕРЕВОД В СОВРЕМЕННОМ ЛИНГВОФИЛОСОФСКОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

В статье развивается концепция переводческого процесса как многоуровневой «языковой игры», трактуемой в духе лингвофилософских воззрений позднего Л. Витгенштейна. Автор считает контрпродуктивными взгляды ряда лингвистов, сводящих сущность искомого феномена исключительно к острословию и сатирико-комическим формам его проявления. Лингвокультурологическая верификация перевода как уникальной феноменологической, символично-интерпретирующей языковой игры аргументируется примерами иноязычного перевыражения «бес-смыслиц» и абракадабр Л. Кэрролла, бурлесков и «языковой куролесицы» Ф. Ницше и др. Дискутируемая проблематика анализируется на фоне деятельностно-антропоцентрического восприятия языка и его функциональной парадигмы.

Ключевые слова: язык, речевая деятельность, языковые игры, смехокультура, переводческий процесс, переводческий дискурс.

Eduard N. Mishkurov,

Professor, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: mishkurov@inbox.ru

Language, Language Plays and Translation through the Contemporary Linguo-philosophical and Linguo-cultural Comprehension

The article deals with the understanding of translation as a multilevel language play which the author interprets in the vein of L. Wittgenstein's linguo-philosophical views in the scientist's mature years. We do not see any efficiency in limiting this phenomenon exclusively by the wittiness and satirical-comic frames of its manifestation. The linguo-cultural verification of a translation discourse as a unique, phenomenological symbolic-interpretative "language play" is based on the examples of rendering some of L. Carroll's "abracadabra/nonsense" and F. Nietzsche's "language tricks" and "burlesques". The issues under discussion are analyzed against the backdrop of active anthropocentric perception of the language essence and its functional paradigm.

Key words: language, speech activities, language play, laughable culture, translation/rendering, translation discourse.

1. Речевая деятельность социума с Homo loquens в эпицентре его внимания онтологически направлена на реализацию двух базовых функций языка — когнитивную и коммуникативную. Она

эксплицитно отражает основное целеполагание современной антропоцентрической парадигмы в хронотопически неоднородном, поливекторном языковедческом континууме конца XX века и начала века текущего.

Язык, как известно, употребляется для *описания, выражения чувств, оценки и внушения чувств*. Его можно реализовать в речевом высказывании *нормативно* и *узואльно*. Он выполняет свои функции, как правило, в постулативной, декларативной, символично-магической, эстетико-художественной и некоторых других формах. И если признавать, что язык — дом бытия, а мир человека ограничивается рамками его языка, тогда следует согласиться, что ментальное, когнитивно-ассоциативное пространство индивида тесно коррелирует с его коммуникативно-деятельностным потенциалом. А последний очерчивает границы рече-игрового поля, доступного индивиду в среде его языкового бытования. И чтобы не быть отгороженным «стеной непонимания» в данном языковом коллективе, он должен руководствоваться правилами и нормами «языковых игр», характерных для обыденного идиома субареала его носителей.

«Языковые игры» (*нем.* Sprachspiele, *анг.* переводное — language-games), как основополагающее понятие и термин-символ одного из главных направлений в теории речевой деятельности, были введены в активный научный оборот после посмертно изданного трактата знаменитого философа Л. Витгенштейна (1889—1951) под названием «Философские исследования» (1953), многократно переведившегося на разные языки, в том числе русский.

В параграфе 23 Л. Витгенштейн чётко формулирует своё понимание термина «языковая игра», который «призван выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать, то есть форму жизни». Он полагал, что употреблений языка неограниченно много, и они не могут быть сведены к какому-то каноническому их перечню. Некоторые из их разновидности он представляет следующим образом:

- «— Отдавать приказы и подчиняться.
- Описывать внешний вид объекта или его размеры.
- Создавать объект по описанию (чертежу).
- Сообщать о событии.
- Обсуждать событие.
- Выдвигать и проверять гипотезу.
- Представлять результаты эксперимента в таблицах и схемах.
- Сочинять истории и читать сочинённое.
- Играть на сцене.
- Петь хороводные песни.
- Отгадывать загадки.

- Придумывать шутки и делиться ими.
- Решать арифметические задачи.
- *Переводить с одного языка на другой* — (курсив наш. — Э.М.).
- Спрашивать, благодарить бранить, приветствовать, молить» [Витгенштейн, 2011, с. 30—31].

Очевидно, что знаменитый философ, несомненно, предстаёт перед нами как предтеча теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля, которые эту взаимосвязь практически обходили молчанием.

Таким образом, в «Философских исследованиях» Л. Витгенштейна раскрывается сущность речевой деятельности в связи с различными «формами жизни», что позволяет синонимически верифицировать «языковые игры» как «дискурсивные игры». Заметим, что не случайно Н.Д. Арутюнова — автор статьи «Лингвистическая философия» в ЛЭС (в которой она дефинирует «языковую игру» как законченную систему коммуникации, отвечающую некоторой «форме жизни») — определяет «дискурс» как «речь, «погружённую в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 17, 269].

Термино-понятие «языковая игра» адекватно вписывается в парадигматический тезаурус теории речевой коммуникации вообще и науки о переводе в частности. Оно может служить для обозначения целостных и законченных систем коммуникации, подчиняющихся собственным внутренним правилам, нарушение которых приводит к выходу за пределы конкретной «игры», т.е. определённого речевого акта.

Учение Витгенштейна оказало сильное влияние на умы научной и творческой интеллигенции. Поэт С. Соловьёв (род. в 1959 году) посвятил философский блок стихов языку «как среде обитания человека» и человеку «как среде обитания языка», которого «нельзя обнаружить в пространстве», ибо «он — единица времени языка, понимаемого как странствие к зеркалу» — «ветвистому языковому». Обнаруживая недюжинные познания трудов Л. Витгенштейна, он восклицает:

Если верить *позднему Витгенштейну*,
мир человека есть мир языка —
будь то Непорочная Дева или стакан портвейна,
юное небо или плавающий музыкант.
Сухой музыкант или музыкант мокрый —
мир есть то, что о нем говорят.
Вводится термин «языковые игры» —
«наука», «религия», «диамат».
Игра «путь», игра «икс», игра «проза».
Игра в плотноприлегающих ОЗКа.
Все так называемые проклятые вопросы
лежат за пределом возможностей языка.

Например, когда я приближаю глаза к глазам её,
пытаясь понять, в чём смысл жизни наверняка, —
небытие определяет моё сознание,
балансируя на кончике языка <...>

Если от *Витгенштейна* идти в направлении новой веры,
отдаляясь от лунного кружева отблещивающих дорог,
можно предположить конец языковой эры,
определив нынешнюю ситуацию как порог.

Можно предположить предстоящую эру Молчания,
постепенное *редуцирование языковых вех*,
начиная с декора и дальше — к энергетическому переключению
на канал чистого восприятия и *транслирования* без помех.

Т.е. человек из кокона выходит на космическую площадь,
обретая движение без костылей языка.

Тогда происходящее в лучших из нас становится всеобщим,
т.е. этап духа сменяет эру «язык и рука».

2. Языковеды обратились преимущественно к той стороне
«языковых игр», которая отражает утрированное использование
«смеховых» средств языка с осознанным нарушением «языковой
нормы», с целью разрушения автоматизма восприятия содержания
высказывания и максимально возможного использования так на-
зываемого эффекта «обманутого ожидания». Тем самым они не-
вольно выхолостили объёмное содержание понятия «языковая
игра», которое имел в виду Л. Витгенштейн, ограничившись опи-
санием комико-курьезных фрагментов языковой системы.

Нужно отдать должное целому ряду авторов, которые обстоя-
тельно исследовали многочисленные способы «карнализации
речи», которая достигается, в частности, с помощью каламбура, па-
родии, бурлеска, аллюзии, паронимизации, прецедентными вкрап-
лениями, омонимией и т.п. Главную цель игры они видят в том,
чтобы «завлечь — привлечь — отвлечь — уморить — охмурить» и т.п.
или «осадить — осудить — заклеить — пригвоздить адресата» и т.п.

Спору нет — цель немаловажная, но не всепоглощающая в ре-
чевой практике. «Смеховые языковые игры» — это всегда либо
«словесная живопись», либо «хитрое словесное лукавство», либо
«словесное хулиганство», широко применяемое в текстах различ-
ных функционально-стилистических жанров. При этом в художе-
ственных произведениях наличие «языковых аномалий» рассматри-
вается как проявление особой «литературной нормы».

Проиллюстрируем «смеховой пласт» дискурсивных/языковых игр
некоторыми яркими примерами. Высмеивая символистов, клас-
сик в области пародии В. Соловьев (1853-1900) с издёвкой пишет:

Мандрагоры имманентные
Зашиуршали в камышах.

А шершаво-декадентные
Вирши — в вянущих ушах.

Известно письмо Н.Д. Санжарь к А.С. Суворину, Вяч. Ивáнову,
А.А. Блоку и А.С. Серафимовичу с заголовком «Задирать нос выше
мозга». Для публицистов придумать мудрёно-зазывный заголовок
к статье — самое «первостепенное дело». В популярной газете
«МК» (24.09.2012) находим массу ярких примеров:

— «Путингующие заполнили “Лужники”» (о встрече В. Путина
с избирателями)

— «Инвесторов приглашают в номера» (о привлечении капита-
ла в строительство гостиниц)

— «Микрохирургию глаза гробят на глазах» (о печальной участи
в настоящее время знаменитой клиники МНТК, созданной по-
койным академиком С. Фёдоровым) (27.03.2012).

Интертекстуальные включения находим в заголовках французской
прессы типа «Les mille et une raisons de ne pas obtenir de diplôme»,
т.е. «тысяча и одна причина не получить диплом». Аллюзия с фран-
цузским переводом арабских сказок «Тысяча и одна ночь», выпол-
ненным А. Галлоном, очевидна («Liberation» 04.09.2010). Впечатляет
классический каламбур Гераклита: «Лúку — имя «жизнь» (*греч.* *bíos*),
а дело его — «смерть» (*biós*)).

Эффектно используется *омофония* словоформ в словотворческом
дискурсе, ср. «умиротворяющее» объявление счета игры в теннис —
«езде “любовь”», построенном на сопряжении *анг.* «love» — “ноль”
и «love» — “любовь”. А поэт Д. Минаев с горечью писал:

Я стал по твоей лишь винё
Топить своё горе в винё!

В большом ходу у «раёшников», неизвестных фольклористов и
других «мастеров слова» всех времён и народов различные парони-
мические игры типа итальянского присловья «*L'ore del mattino*
hanno l'oro in bocca букв. «утренние часы, что золото во рту»; а
поэт Ю. Арабов язвит: «чье-то хилое body делает building».

В массмедиа, в рекламе, в некоторых художественных произве-
дениях умело используются разнообразные «графические игры»,
строящиеся на смешении алфавитов, почерковых особенностей,
орфографических отступлениях от нормы и т.д. К примеру, теле-
визионный канал «Дождь» может представиться на экране как
«Live -ень», а реклама предлагает покупать «пухОвики», смотреть
комедию «Деффчонки», где двойная «ф» в красном цвете контра-
стирует синему остальным буквам слова. «ДерZZайте!» — главное
«motto» в лингвопрограммировании топ-менеджеров — и «успех
Вашему бизнесу будет обеспечен», внушает хорошо поставленный
голос в рекламном ролике на фоне соответствующего граффити.

Несомненно, *смехокультура* как одна из ипостасей «языковых игр» является архиважным репером в идентификации сущности, объёма, глубины и своеобразия «комической составляющей» менталитета определённого этноса, а также отражением в более широком плане его образно-языкового мышления и сознания, склада ума и этнопсихолингвистических наклонностей в различных сферах коммуникации.

В этой связи представляется весьма интересной попытка С.В. Фащановой проследить на фактическом материале русскоязычного радиодискурса сатирико-комическое восприятие российской действительности русофонами и её отражение в различных словесно-игровых способах и формах, увязав их с некоторыми чертами русского характера, как-то: «свободолюбие», «чувство справедливости», «гостеприимство», «трудолюбие» и др. [Фащанова, 2012, с. 562—565].

Мы только несогласны с мнением ряда отечественных лингвистов, трактующих смеховую «языковую игру» только как некий способ её «включения в речь» (как это делает, в частности, В.З. Санников в своей в целом обстоятельной монографии «Русский язык в зеркале языковой игры» [Санников, 1999, с. 170—180 и др.]), тогда как она, по Витгенштейну, представляет собой речевую деятельность, отражающую одну из форм жизни, — в данном случае сатирико-комико-острословную.

3. Перевод различных типов, жанров и форм языковых игр сам по себе является своеобразной разновидностью речевой деятельности, представляющей собой уникальную феноменологическую семиотико-интерпретационную языковую игру. Другими словами, в рамках людической концепции речевых актов мы толкуем переводческий процесс как специфический вид речевой деятельности в сфере межкультурной коммуникации, представляющий собой разновекторное межъязыковое посредничество с целью перевыражения текста ИЯ в знаках ПЯ на максимально-достижимых уровнях соответствия — когнитивно-эвристическом, этнопсихолингвистическом, дискурсивно-креативном и некоторых других в зависимости от текстотипа оригинала.

Для теории и практики перевода значительный интерес представляют субъективные мнения переводчиков о своей работе, особенно если речь идёт о сравнении «своего» и прежнего «чужого» перевода одного и того же произведения. Так, Л. Добросельский следующим образом отзывался о русскоязычном переводе «Философских исследований» в 1994 году и своей версии 2011 году: «Мы старались по возможности точно следовать за авторским текстом, что не всегда удавалось, учитывая различия в структуре немецкого и русского языков (переводчику английского издания было в этом

смысле куда проще). Именно стремлением максимально точно передать авторскую мысль и авторский стиль объясняются и встречающиеся порой в нашем переводе тяжеловесные конструкции, и “рубленные” фразы, и предложения, на первый взгляд мало внятные и противоречащие стилистическим нормам русского языка. Тем же объясняется и лексика: Витгенштейн крайне редко прибегает к техническим и научным терминам, стараясь оперировать словами повседневного языка; вдобавок он нередко употребляет слова, которые при переводе будто бы требуют “замены по контексту”, выбора подходящего из ряда синонимов, но мы и здесь следовали за автором (например, слово “атмосфера”). Предыдущий перевод “Философских исследований” на русский язык (М.: Гнозис, 1994) представлял собой не столько собственно перевод, сколько истолкование авторского текста (например, то, о чём автор говорил кратко или упоминал мельком, в переводе развёртывалось и объяснялось); именно поэтому было решено подготовить <...> новый перевод работы Витгенштейна» [Витгенштейн, 2011, с. 339-340].

Что касается источника оригинала, то за основу было принято двуязычное (немецко-английское) оксфордское издание 1997 года, «в котором оригинальному тексту на немецком языке сопоставлен английский перевод, выполненный ученицей Витгенштейна... Г.Э. Энскомб». При этом переводчик признается, что «хотя в некоторых абзацах немецкий и английский тексты достаточно сильно разнятся, в целом наличие билингвы существенно облегчило перевод <...>, поскольку формулировки самого философа временами настолько образны, отрывисты и/или темны, что разобраться в них на основании одного только оригинала было бы весьма непросто» [там же, с. 339]. По ходу заметим, что при издании новой исправленной версии перевод должен уже опираться на новую билингву трактата, изданную в 2009 году [Wittgenstein, 2009].

Со схожими проблемами сталкиваются переводчики произведений Ф. Ницше. К.А. Свасьян — переводчик, редактор и комментатор знаменитого трактата философа «Так говорил Заратустра» — подчёркивал, что в Ницше отчётливо усматривается личность яркого, архисложного автора — «языкового игрока» (sic!), который своими новациями может свести с ума любого переводчика. «Читатель, — пишет комментатор, — знакомый с оригиналом, сразу же согласится, что перевод “Заратустры” — вещь весьма условная. Это настоящая сатурналия языка, стало быть, языка не общезначимого, не присмирённого в рефлексии, а сплошь контрабандного, стихийного и оттого безраздельно тождественного со своей стихией <...> лучше всего охарактеризовало бы его то именно, что не подлежит в нём переводу, его непереводаемость, именно, трехступенчатая непереводаемость». К.А. Свасьян трактует как «непереводи-

мые» в трактате «лексико-семантический слой», «эвфонический слой» и «эвритмический слой» немецкого языка [подробнее см.: Свасьян, 1990, с. 771—777; Мишкурин, 2012, с. 351—354].

Особое место в «игровом поле» языка занимает «бесмыслица/абракадабра», которая подчас толкуется лексикографами не совсем адекватно, например, — это «место бессвязное, непонятное, непередаваемое» или «несвязный набор слов, лишённая смысла речь» [Абракадабра, с. 1; Бесмыслица, с. 2]. Вместе с тем «бесмыслица» выполняет определённые функции в тексте — экспрессивную, магическую и т.п., позволяющие её использование в текстах художественных, сакральных и т.п. в ряду прочих «нормативных аномалий» (ср. у Достоевского: «я видел и *сильно* думал», «ужасно умела слушать» и др., а также его бесконечные обороты с «как бы...» [см.: Киро Хервилья, 2012, с. 238 и др.]). Философы считают, что «*бесмысленное*, даже в своих крайних проявлениях, остаётся со строем и духом своего языка. Об этом говорят, в частности, *переводы* “бесмысленного” с одного языка на другой. Такие переводы реально существуют, но один из них может быть лучше другого» [Бесмысленное, с. 94].

Полагаем, что речь идет, в частности, о знаменитых абракадабрах Л. Кэрролла в сказке «Алиса в стране чудес», неоднократно переведившейся на русский язык [новый перевод: Кэрролл, 2009, 272 с.] с вполне осмысленным контекстом, ср.:

'Twas brillig, and the slithy toves
Did gyre and gamble in the wabe;
All mimsy were the borogoves,
And the mome raths outgrabe.

Л. Кэрролл

Было супно. Кругтелся,
Винтась по земле,
Склипких козей царапистый рой,
Тихо мисиков стайка грустела во мгле,
Зеленавки хрющали порой...

Т. Щепкина-Куперник

А.Д. Орловская вторит коллеге:

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки
Как мюмзики в маве...

Переведенное стихотворение Л. Кэрролла «Jabberwocky» построено на «придумках», которые можно толковать по-разному. Их задача заключается в создании определённой атмосферы игры,

а не в реальном смыслопорождении. Переводчики пошли дальше, используя метод «слов-бумажников» типа «хрющать = хрюкать + пищать» и т.п. [см. подробный анализ: Панов, 2001, с. 31—40].

Таким образом, игра с языком в подобных произведениях — это в высшей степени авторская «философская игра», её влияние на учёных-лингвистов вполне очевидно, если вспомнить известные «бесмыслицы» Л. Щербы, Н. Хомского, Ч. Фриза и др.

Важное достоинство языковых игр заключается также в том, что они позволяют глубже проникнуть в сознание как носителей языка — автора исходного текста, постичь некоторые механизмы его ментальности, и более достоверно анализировать рефлексивные процессы, протекающие в сознании переводчика при осмыслении первоисточника «для себя» и порождения отчуждаемого переводного текста для реципиента.

Феномен «языковых/дискурсивных игр» в современной теории речевого и коммуникативного общения естественным образом обусловил введение в науку о переводе терминопонятия «*переводческий дискурс*» (ПД). Его структура включает в себя реальные переводы некоего оригинала — старые и новые, — экспертно-переводческие (филолого-текстологические, когнитивно-лингвистические, этнопсихолингвистические, лингво-культурологические, аксиологические и пр.) комментарии и критику, редакторскую правку и другие компоненты переводческой эпистемы (в частности, сценические вариации переводов драматургических и иных художественных произведений и т.п.).

Данная проблема в настоящее время широко обсуждается в переводоведческих кругах, в частности, в трудах Г.Д. Воскобойника, Е.Ю. Куницыной, Н.К. Гарбовского и др. [Воскобойник, 2004; Куницына, 2011; Гарбовский, 2012]. Учёные говорят о «переводческом» и «переводном» дискурсе. Разнобой в терминологии обусловлен в основном нестыковкой дефиниций и интерпретаций. В свое время В.Н. Комиссаров писал: «В любой терминологической системе можно обнаружить нестрогие термины, которые могут постепенно уточняться, а могут оставаться “размытыми”, если само явление еще недостаточно изучено или не имеет чётких границ» [Комиссаров, 2005, с. 7].

Теоретический арсенал науки о переводе только за последние 15—20 лет пополнился такими перспективными концепциями, базирующимися на оригинальном метаязыковом фундаменте, как-то: когнитивно-эвристическая и дискурсивная теория перевода, транслатология текста, когнитивный поворот в семиозисе перевода, диалектическое взаимодействие тождества и когнитивного диссонанса в переводческом процессе, апория переводимости-непереводимости и концептуально-фреймовая асимметрия текстов ИЯ и ПЯ,

«скопос»-теория и примат социального заказа в переводческой практике, интроспективно-рефлексивная природа переводческого сознания и экспериментальная апробация его феноменологической объяснительной силы, «языковые игры» в межъязыковом посредничестве и игровая (людическая) модель перевода и др.

От оптимального междисциплинарного решения обозначенной в статье проблематики во многом будет зависеть освоение новых парадигм в науке о переводе.

Список литературы

- Абракадабра — Викисловарь /<http://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%E1%F0%E0%EA%E0%E4%E0%E1%F0%E0> (04.05.2012).
- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136—137.
- Арутюнова Н.Д. Лингвистическая философия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 269—270.
- Бессмысленное / Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006. С. 93—94.
- Бессмыслица /<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-2558.htm> (04.05.2012).
- Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011.
- Воскобойник Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: Дисс. ... докт. филол. наук. Иркутск, 2004.
- Гарбовский Н.К. Русский переводной дискурс: миф или реальность // Русский язык и культура в зеркале перевода. М.: Изд-во ВШП МГУ, 2012. С. 130—136.
- Керо Хервилья Э.Ф. Анализ частицы *как бы* в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и её перевод на испанский // Русский язык и культура в зеркале перевода. М.: Изд-во ВШП МГУ, 2012. С. 237—242.
- Комиссаров В.Н. Оппозиция «буквальный» и «свободный (вольный)» перевод в современном переводоведении // Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник. Вып. 25. М.: МГЛУ, 2005. С. 7—19.
- Куницына Е.Д. Лингвистические основы людической теории художественного перевода: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Иркутск, 2011.
- Кэрролл Л. Алиса в стране чудес // Lewis Carroll. Alice in Wonderland. Билингва // Пер. с англ. А.Н. Рождественской. М.: Эксмо, 2009.
- Мишкурин Э.Н. Переводческая интроспекция «языковых игр» в поливекторных дискурсах // Русский язык и культура в зеркале перевода. М.: Изд-во ВШП МГУ, 2012. С. 349—356.
- Панов М.В. О переводах на русский язык баллады Л. Кэрролла «Джаббервокки» // Вопросы языкознания. 2001. № 1.
- Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.
- Свасьян К.А. Примечания: Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 770—777.

Соловьев С. Стихи для антологий // http://www.rmvoz.ru/lib/poety/solovjovS_ant.htm#25. С. 15 (11.04.2012).

Фащанова С.В. Языковая игра как отражение национального менталитета (по материалам радиокурса) // Русский язык и культура в зеркале перевода. М.: Изд-во ВШП МГУ, 2012. С. 562—565.

Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006.

Wittgenstein L. Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte, 2009. Blackwell Publishing Ltd.

Ван Мэняо,

аспирантка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mengyao811@gmail.com

НАПРАВЛЕНИЕ КИТАЙСКОГО ПЕРЕВОДА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается влияние основных традиционных теоретических концепций в истории китайского перевода. Высказывается важность влияния западной теории на китайский перевод. И также излагается авторская точка зрения на условия успешности китайской зрелой системы теории перевода.

Ключевые слова: история перевода, перевод в Китае, теория перевода в Китае.

Wang Mengyao,

Postgraduate student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: mengyao811@gmail.com

The Direction of Translation in China from the Point of View of the Development of the Chinese Translation Theory

This article shows the influence of the main traditional theoretical concepts in the history of Chinese translation. The author argues that a combination of Chinese and western theories of translation is important for the development of translation studies in China and presents her views on conditions necessary for establishing a better system of translatology in China.

Key words: history of translation, translation in China, translation theory in China.

Переводческие традиции в Китае имеют очень древнюю историю. Имеются свидетельства¹ о деятельности переводчиков, относящиеся ещё к эпохе Чжон (XI в.—256 г. до н.э.) [Ло Синьчжан, 2009, с. 1]. Китайские учёные начинали задумываться о сущности перевода, его методах и принципах с того времени, как появилась переводческая деятельность.

Наибольшие масштабы переводческая деятельность в Китае приобрела в период с конца эпохи Восточная Хань (148 г.—1127 г.). На протяжении примерно тысячи лет китайцы переводили с санскрита буддийские сутры. В тот период выдающиеся переводчики нередко выдвигали оригинальные теоретические суждения о переводе на основе обширной переводческой практики. Теория перевода в Китае возникла именно как закономерный продукт практической деятельности переводчиков буддийской литературы [Гао Хуали, 2009, с. 57].

¹ В «Чжоу Ли» 周礼 475—221 г. до н.э. (один из древнейших памятников китайской классической литературы) написано, что существовали различные названия для переводчиков разных языков.

Правда, уровень этой теории был в то время довольно скромным. В основном он ограничивался спорами о том, как следует переводить сутры: *по знакам или по смыслу*. Например, Ши Дао Ань (312—385 гг.), отдавая предпочтение знаковому переводу, предложил концепцию «пяти потерь и трёх трудностей» (五失本, 三不易).

Потери означают обычный случай, когда в переводе утрачивается структура предложения оригинала, и автору приходится переводить так, чтобы сохранить оригинальный текст. Мы также называем это «потери» — *Трудностей*. Пять трудностей перевода текстов буддийских сутр на китайский язык имели не только языковые, но и дискурсивные основания и состояли в том, что в оригинальных текстах на санскрите большинство предложений строились с инверсией (первая трудность). Тексты на санскрите были написаны более простым языком по сравнению с нормами китайских культовых текстов (вторая трудность). В сутрах часто встречались повторы фраз (третья трудность), повторные заключения (четвертая трудность), повторялись тексты перед новыми темами (пятая трудность). В этих пяти ситуациях допускался отход от оригинала. Эти же ситуации определяли и три переводческие трудности, так как требовали от переводчика особых решений для достижения главных ценностей перевода: *точности, соответствия и правильности*.

Буддийский монах Сюань Цзан, живший в эпоху Тан (602—664), пытался соединить достоинства обоих способов перевода — знакового и вольного. Он предложил свой принцип, заключавшийся в том, чтобы «стремиться и к точной передаче смысла, и к тому, чтобы перевод был простым и понятным»².

Во времена Сюань Цзана уровень перевода действительно стал выше благодаря тому, что в китайской теории перевода возобладал принцип приоритета *знакового перевода при вспомогательной роли смыслового*.

В эпоху Чин известный китайский переводчик Янь Фу (1854—1921) предложил три критерия правильности перевода: *достоверность, норма и стиль*. В своём переводе книги Дж. Хаксли «Эволюция» он назвал эти критерии — «три трудности», которые стали очень важной частью китайской традиционной теории перевода³.

В последующие более чем 80 лет китайские теоретики не предложили каких-либо иных новых принципов перевода, они лишь по-разному интерпретировали понятия категорий правильности перевода, предложенных Янь Фу, вкладывая в них своё содержание.

² [Биография Святого Учителя Сюань Цзана, 688, с. 203]. Оригинал: 既须求真, 又须喻俗.

³ Китайский ежемесячный журнал «Тетради переводчика». Пекин, 1984. № 2. С. 6.

После «Движения 4 мая» в 1919 году начинается реформа письменного языка в Китае. Её смысл заключался в том, чтобы придать *байхуа* функцию языка официально-делового общения и в конечном итоге признать его в качестве письменного литературного языка Китая. Байхуа — вид письменного литературного языка, на основе северного диалекта Китая. В период «Движения 4 мая» байхуаская литература соединилась с официальным языком, и стала современным языком, то есть путунхуа. С инициативой придания байхуа статуса официального письменного языка выступил Ху Ши⁴.

Цюй Цюбо (1899—1935), китайский литературный критик, высказывал идею о том, что «перевод должен точно и в полном объёме донести до китайского читателя смысл оригинала, и кроме этого ещё одной функцией перевода является обновление новой современной китайской речи»⁵, т.е. формирование нового современного дискурса на китайском языке.

Таким образом, мы видим, что переводческая деятельность играла важную роль во внесении в старую китайскую дискурсивную традицию нового мышления и также во внедрении в речевую практику новых форм, возникших в тот период.

Цюй Цюбо высказывался против трактовки Янь Фу термина «стиль» (иероглиф 雅 стиль). Он считает, что значение слов «норма» и «достоверность» («信» и «达») уже включают значение «стиль» (雅). Далее он продолжал: «Как можно достоверно перевести на древний китайский язык? И как может это постичь современный и будущий читатель?»⁶.

В 1930-е годы разгорается дискуссия о приоритете «достоверности», либо «грамотности» в переводе, т.е. близости текста перевода оригиналу, либо его соответствия нормам принимающего, китайского дискурса.

Лу Сюнь⁷ отдавал предпочтение в переводе достоверности, полагая что всякий перевод должен быть понятным, но непременно сохранять «внешность» оригинала. Он признавал, однако, что сохранение подобия оригиналу часто выглядит смешно для принимающей культуры.

Другие переводчики, например Чжао Цзиншэн⁸, напротив, отдавали предпочтение «грамотности» перевода, т.е. соответствию

⁴ Ху Ши (1891—1962) — один из ведущих китайских мыслителей и философов XX века. Способствовал утверждению письменного разговорного китайского языка в качестве стандартного, что знаменовало собой преодоление классической традиции и переход к модернизации.

⁵ [Сборник Цюй Цюбо. Т. 1. 1987. С. 515].

⁶ Тетради переводчика. Пекин, 1984. № 2. С. 216.

⁷ Лу Синь (1881—1936) — китайский писатель, переводчик, оказавший большое влияние на развитие литературы.

⁸ Чжао Цзиншэн (1902—1985) — китайский писатель, переводчик, редактор.

переводного текста нормам переводящего языка [Чжан Нанфэн, с. 246].

После образования КНР контакты между Китаем и другими странами мира интенсивно расширились и развивались.

На китайский язык стала переводиться литература с многих языков мира. Исследования в области теории перевода стали более систематическими. В последние годы появилось немало работ в области теории перевода. Многие переводчики формулируют свои принципы перевода.

Так, Фу Лэй предлагает сохранять смысловое содержание и дух оригинала, но не *форму* текста оригинала⁹ [Ло Синьчжан, 2009, с. 694].

Цянь Чжуншу, автор статьи «Переводы Линь Шу» (林纾的翻译¹⁰), считает, что самая высокая степень перевода, это — *ассимиляция*¹¹.

Выступая с позиции критика перевода, он полагает, что если анализ переводного текста в его сравнении с текстом оригинала не обнаруживает расхождений с речевыми нормами переводящего языка, неизбежно возникающих из-за различия традиций, и при этом констатирует сохранение в переводе «вкуса», и «духа» оригинала, то это и будет наилучший перевод.

Кроме того, у этих двух крупных фигур — Цзань Чжоншу и Фу Лэй — множество других рассуждений по теории перевода [Лю Минцин, Хуан Лун, Кэ Фэй и др.]. Весьма интересно мнение некоторых теоретиков перевода, полагающих, что «лучше употреблять европейский синтаксис в китайском переводном тексте» [Ван Юйлун, 1982, с. 3]¹², некоторые предпочитают три вида перевода: сходная форма, сходный смысл и сходное чувство [Чжоу Сюйлян, 1982, с. 15]¹³, а некоторые считают, что переводчик должен полностью следовать за культурологией оригинала [Тетради переводчика, 1984, с. 120]¹⁴.

Различные взгляды китайских исследователей на перевод постепенно развивали теорию перевода Китая.

С началом политики реформ и открытости в Китае в страну хлынуло большое количество западных произведений. Стало изучаться западное языкознание, стимулировавшее развития теории перевода

⁹ Здесь «дух» оригинала включает размышление, эмоцию автора оригинала, и атмосферу, окраску оригинала.

¹⁰ Линь Шу (1852—1924) китайский переводчик, который не понимал ни одного иностранного языка, и перевёл вместе с сотрудниками почти 170 работ, включая произведения из Франции, Великобритании, России, США, Греции, Германии.

¹¹ Цянь Чжуншу. Переводы Линь Шу. Пекин, 1981. С. 1.

¹² Идея в статье: Ван Юйлун. Иностранная окраска в переводе. 1982. С. 3.

¹³ Чжоу Сюйлян. Рассуждения теории перевода. 1982. С. 15.

¹⁴ Тетради переводчика. Пекин, 1984. № 2. С. 120.

в Китае в этот период. Западная лингвистическая теория перевода дала китайским переводчикам более глубокое понимание перевода и способствовала тому, что изучение теории перевода в Китае вступило в новый этап на пути постепенного «движения к зрелости».

Поскольку подходы к изучению перевода становились всё более разнообразными, появились новые взгляды и новые методы теории перевода. Многие учёные высказывали свои взгляды, опираясь уже на западные теории перевода, например на работу “On Translation” — Jan De Waard и Eugene A. Nida, и анализировали языковые трансформации, осуществляемые в переводе с точки зрения семиотики. Стали изучаться и прагматические, культурологические и эстетические аспекты перевода.

Только в 1989 г. Дан Цайси высказал идею о том, что необходимо различать понятия «перевод» и «переводоведение». В статье, озаглавленной «Необходимо создать переводоведение», он писал: «Перевод — это процесс выражения значения одного языка средствами другого языка, он в основном является техникой... однако, наука, исследующая перевод, уже считается самостоятельной дисциплиной...» И далее: «Переводоведение — это система знаний, составленная из разных теорий, его задача — обнаружить объективные закономерности процесса перевода, найти объективную истину в вопросе о переводе, и предложить способы, полезные для переводческой практики».

Таким образом, мы можем видеть, что современная теория перевода в Китае была создана на основе традиционного эмпирического знания о переводе, сложившегося в результате анализа практической деятельности перевода в течении двух тысяч лет, начиная с эпохи Восточной Хань. Основная задача традиционной теории перевода состояла в нормировании практики перевода. Главным содержанием теории перевода были стандарты и принципы перевода. Иначе говоря, традиционная теория перевода имела ярко выраженную прескриптивную направленность. Именно эта ограниченность традиционной китайской теории перевода исключительно прикладной сферой, ориентированной на нормализацию переводческой деятельности, и определяет её несовершенство.

В последнее время китайские исследователи перевода обратились к идеям западных переводов с тем, чтобы создать зрелую теорию перевода как некий сплав китайских традиционных представлений о переводе и западной науки о переводе и науке о языке.

Дальнейшее развитие науки о переводе в Китае должно, по моему мнению, осуществляться с учётом «трёх составляющих», а именно *систематизации, традиции и заимствования*.

1) Систематизация теоретических знаний о переводе.

Целью теории перевода является создание научной системы теоретических знаний о переводе, т.е. становление научной дисциплины, называемой «переводоведение». Переводоведение состоит из двух частей: «внутреннее исследование» и «внешнее исследование» перевода. «Внутреннее» является ядром исследования перевода и включает основную модель теории, сущность, принципы, стандарт, мышление о переводе, и также вопросы о переводимости, методологии (знаковый перевод, смысловой перевод, транскрипционный перевод), эстетике перевода, а также об искусстве речи в переводе, стилистике, навыках перевода, и т.д.

«Внешнее исследование перевода» изучает связи перевода с другими научными дисциплинами, например, с философией, социологией, культурологией, языкознанием, психологией, и включает вопросы об учебном переводе, критике перевода, строительстве переводческой команды, культуре переводчика, переводческом материале, сотрудничестве китайских и иностранных специалистов¹⁵. Уверена, что систематическое исследование перевода будет важным направлением и тенденцией развития теории перевода Китая.

2) Преемственность теории перевода.

Перевод в Китае существовал более двух тысяч лет, реализуясь во множестве переводческих практик. Не следует пренебрегать этими замечательными переводческими навыками, которые записаны в китайских произведениях. Например, Сюань Цзан использовал в своей практике буддийского перевода такие переводческие приёмы, как дополнение информации, сокращение, перестановки, объединение и другие, которые сегодня мы изучаем как введение к переводческой практике.

Думаю, что нет никакой теории раз и навсегда данной на свете, теория изменяется во времени, обращаясь к новому, более совершенному. Соединение традиционных взглядов на перевод с современной переводческой практикой, и слияние с западной теорией языкознания — это задача исследования в области теории перевода в данное время.

3) Заимствование.

В последние годы китайские исследователи осознали важность теории западного языкознания и заимствовали некоторые положения изучения перевода. Особую роль в развитии национальной теории перевода в Китае сыграли такие работы западных исследователей, как “Towards a science of translation”, “*Religion Across Cultures*”, “*Language Structure and Translation*” — Nida E., “Approaches to translating” — Newmark P., “The True Interpreter: A History of Translation

¹⁵ Китайский перевод. 1998.

Theory and Practice in the West” — Louis G. Kelly. Но очевидно, что западная теория перевода связана в первую очередь с некитайскими языками, то есть с языками индоевропейской семьи — и мы можем видеть много схожего и много отличий между двумя семьями языков. Китайский как китайско-тибетская семья должен иметь свою особенность при переводе на любой западный язык.

Итак, при исследовании перевода в Китае необходимо не только сохранить свои традиции теории перевода, но и использовать западную классическую теорию языкознания и переводоведения. Изучение разнообразности теорий китайской и западной — это и будет направлением и тенденцией развития китайской современной теории перевода.

Список литературы

- Гао Хуали. Краткая история теории перевода китайско-западной. Чжэцзян, 2009. (高华丽. «中外翻译简史». 浙江大学出版社, 2009).
- Ло Синьчжан. Собрания теории перевода. Пекин, 2009. (罗新璋. «翻译论集». 商务印书馆, 2009).
- Лю Мицин. Новая современная теория перевода. Пекин, 2005. (刘宓庆. «新编当代翻译理论». 中国对外翻译出版公司, 2005).
- Сборник исследования перевода в Китае (1894—1948) // Тетради переводчика. Пекин, 1984. (翻译研究论文集 (1894—1948). 翻译通讯, 编辑部, 北京, 1984).
- Тань Цайхи. Краткая история западного перевода. Пекин, 2004. (谭载喜. «西方翻译简史». 商务印书馆, 2004).
- Чжан Ханфэн. Критика теории перевода китайско-западной. Пекин, 2004. (张南峰. «中西译学批评». 清华大学出版社, 2004).
- Чжан Пэйди. Курс перевода англо-китайский. Шанхай, 1980. (张培基. «英汉翻译教程». 上海外语教育出版社, 1980).
- Edwin, Gentzler. «当代翻译理论» (Contemporary Translation Theories). Shanghai, 2006.
- Nida, E. Naber Language, Culture, and Translating. Shanghai, 1993.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Н.И. Голубева-Монаткина,

доктор филологических наук, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: golmonatal@mail.ru

РУССКИЙ ПЕРЕВОДЧИК ФРАНЦУЗСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ

В статье даётся общий обзор переводческой деятельности видного представителя первой «волны» русской эмиграции во Франции князя К.Я. Андроникова.

Ключевые слова: история переводческой деятельности, русская эмиграция, переводчик.

Natalia I. Golubeva-Monatkina,

PhD, Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: golmonatal@mail.ru

Russian Interpreter of French Presidents

The article is a general overview of prince Constantin Andronikov's activities as an interpreter and translator. Prince Andronikov was an eminent representative of the first "wave" of Russian emigration in France.

Key words: history of translation, Russian emigration, interpreter, translator.

Князь Константин Ясеевич Андроников (1916—1997), официальный переводчик нескольких французских президентов, крупный православный теолог, переводчик на французский язык большого количества произведений русских философов являлся одним из виднейших представителей русской эмиграции «первой волны» во Франции второй половины XX века.

Привезенный в 1920 году из послереволюционного Петрограда в Париж бабушкой и матерью (княгиня Елена Константиновна Андроникова работала продавщицей и умерла в 1938 году от туберкулеза), Андроников получил образование «в хороших колледжах Парижа и Англии, потом Сорбонна, с выпускной работой, посвященной Хомякову. Короткий, прерванный войной, «возврат к земле» (фермерство не по нужде, а по выбору), в 1939 — доброволец во французской военной авиации, лётное училище в Марокко, демобилизация в 1940 году. Во время оккупации Парижа — учёба в Богословском Сергиевском Институте, диплом теолога, а в 1979 и докторская диссертация. Иподиакон с 1943 г.» [Кривошеин, 1997]. В 1941—1942 годах К.Я. Андроников, прекрасно зная, кроме французского, русский и английский языки, начинает переводить

тексты Мережковского, Бердяева, С.Н. Булгакова, сам пишет стихи и прозу (а в 1946 году даже публикует под псевдонимом полицейский роман), преподает французскую литературу в выпускном классе русской гимназии в Булони, теологию в институте Сен-Дени, и лишь в 1947 году, перед отъездом в Москву в качестве переводчика на официальные переговоры получает французское гражданство вместо статуса беженца [L'Oreille du Logos, 1999, p. 95] (с некоторыми деталями профессиональной жизни Андроникова можно познакомиться в тексте интервью с ним, записанного автором данной статьи в конце 1991 года [Голубева-Монаткина, 2004, с. 112—119]).

Переводческую работу (сначала по контракту) в МИДе Франции К.Я. Андроников начинает в 1945 году [L'Oreille du Logos, 1999, p. 80], в 1947—1952 гг. переводит сам и руководит группой переводчиков в международных организациях, в 1952 году его приглашают в МИД Франции, в 1945—1958 годах переводит на всех международных дипломатических конференциях и встречах на уровне министров и глав государств. С 1958 года он становится единственным официальным переводчиком министерства, в 1958—1976 годах участвует со стороны Франции во всех политических встречах, конференциях глав государств, министров, в заседаниях различных постоянных двусторонних комиссий (участвует — значит не только переводит, но и готовит эти заседания, пишет каждый раз отчет о них) [ibid., p. 96—97]. В разные периоды Константину Ясеевичу довелось работать с такими государственными деятелями разных стран, как, например, Вышинский, Молотов, Громыко, Хрущёв, Подгорный, Косыгин, Брежнев, Андропов, Горбачёв, Черчилль, Иден, Макмиллан, Эйзенхауэр, Кеннеди, Джонсон, Никсон, Рейган, Неру, Индира Ганди [ibid., p. 80]. К.Я. Андроников рассказывал автору этой статьи, что ему неоднократно предлагали большие деньги за мемуары, в частности, о Шарле де Голле, но что он не согласился и не согласится никогда написать ни одной строки о том, чему он был свидетелем. Известно также, что в тех редких случаях, когда Константин Ясеевич рассказывал своим друзьям о каких-либо связанных со своей работой эпизодах, он просил их не делать никаких записей (см. об этом [ibid., p. 10]).

Годы президентства де Голля, а затем Помпиду, по-видимому, были самыми счастливыми для К.Я. Андроникова в профессиональном отношении — его видят в разных странах рядом с де Голлем и позже с Помпиду, которые очень ценят князя Андроникова не только как высочайшего профессионала, но и как незаурядного человека, крупного теолога. Об этом, в частности, свидетельствует то, что 7 апреля 1970 года в своем небольшом письме-отзыве на книгу Андроникова «Смысл Праздников» де Голль называет автора

«мой дорогой друг» и говорит о своей «верной дружбе» [ibid., p. 164], так и то, что Помпиду приглашает семью Андрониковых на обед; к тому же у Константина Ясеевича, наконец, появляется свой кабинет — в Елисейском дворце... Однако в 1976 году при президенте Жискаре д'Эстене он вынужден испросить «специальный отпуск», то есть фактически уйти в «предотставку», а в 1981 году — в отставку, что не помешает ему как частному лицу сопровождать мэра Парижа Жака Ширака в 1983 году в США и в 1987 г. в СССР [ibid., p. 5—25, 98].

В 1953 году К.Я. Андроников был одним из создателей и до 1963 года действующим председателем Международной ассоциации синхронных переводчиков (Association Internationale des Interprètes de Conférence, АИС), преподавал синхронный перевод в Высшей коммерческой школе (École des Hautes Études de Commerce, НЕС), очень престижной и единственной, где в Париже обучали синхронистов, в 1961 году перешёл в Высшую школу устных и письменных переводчиков (École Supérieure d'Interprètes et de Traducteurs (Université Paris III), ESIT), где по 1975 год включительно обучал устному переводу.

Вот одно из свидетельств о вкладе Константина Ясеевича в переводческую практику [Кривошеин, 1997]: «Вместе с несколькими другими русскими эмигрантами «первой волны» (Сергей Самарин, Георгий Тхоржевский, Василий Хлебников, Василий Яковлев) Андроников изобрёл, разработал и закрепил ремесло синхронного и последовательного перевода с записью. Работал он с потрясающей лёгкостью, синтаксическим изяществом, лексическим богатством, умением полуинтонацией отождествиться с переводимым человеком. Это умение принесло ему уважение и благодарность генерала Шарля де Голля, никогда не соглашавшегося ни на какого другого языкового посредника, кроме Андроникова. 17 февраля 1997 года Президент Французской республики Жак Ширак возвёл Константина Андроникова в командоры ордена Почётного Легиона. Такой чести не достаивался до сих пор ни один переводчик <...>. Ремеслу своему он с любовью обучил многих молодых переводчиков... Последний синхронный перевод Константина Ясеевича — появление А.И. Солженицына по телевидению в Париже перед возвращением в Россию».

К.Я. Андроников был «крупным теологом, продолжателем того, что делалось Флоренским и Булгаковым» [L'Oreille du Logos, 1999, p. 10], автором нескольких книг и многих статей по теологии, профессором литургического богословия в парижском Свято-Сергиевском институте, в 1991—1993 годах деканом этого учебного заведения, одним из основателей телепрограммы «Православие» в рамках религиозного телевидения во Франции, читал лекции

в 1984—1985 годах на английском языке в США и в 1994 году на русском в Москве.

Теологическое образование и собственные теологические исследования дали возможность К.Я. Андронику осуществить, может быть, самое важное — сделать колоссальный по объему перевод на французский язык «важнейших богословских и религиозно-философских текстов русских авторов, среди которых о. Павел Флоренский, о. Василий Зеньковский и Николай Бердяев. Благодаря ему в настоящее время почти завершено французское издание всех трудов о. Сергия Булгакова <...>, перевод которых он начал в 1944 году» [Прот. Иоанн Свиридов, 1997]. Добавим, что Андроников переводил также работы о. Александра Шмемана, Георгия Флоровского, Федотова, Карташова; он знал о. Сергия Булгакова, скончавшегося в 1944 году в Париже, в годы своей учёбы в Свято-Сергиевском институте и перевел, судя по приведенной в [L'Oreille du Logos, 1999, p. 101—109] библиографии трудов Константина Ясеевича, 20 работ о. Сергия... Приведём ещё одну оценку этого настоящего переводческого подвига: «Много лет отдано блестящим переложениям на французский (с помощью дочери Анны) нескольких тысяч страниц трудов русских богословов и мыслителей: Н. Бердяева, о. П. Флоренского, о. Сергия Булгакова <...>. И всё это при тяжёлой переводческо-дипломатической работе, начатой в 1947 году. В течение многих лет К.Андроников работал для издательства “L'Age d'Homme”, и выпущенные в свет тома переводов, стали бесценным подарком западноевропейскому богословию. Им был проделан труд огромный, но не принёсший видимо-осязаемого признания, выраженного в орденах и медалях, ни в конвертируемой валюте, но все это свершалось Константином Ясеевичем «на общественных началах» с христианской надеждой принести пользу и знания другим» [Кривошеин, 1997]. Кроме религиозно-богословских сочинений К.Я. Андроников сделал доступными для франкоязычного читателя ряд текстов Мережковского, первый том Ключевского, «Игрока» Достоевского (в соавторстве)...

Далее приводится отрывок из лингвофилософской книги С.Н. Булгакова «Философия имени», над которой автор начал работать еще в России, поскольку в начале XX века «в русской философии <...> проблема слова считалась едва ли не основной проблемой мировоззрения» и интерес к ней «особенно обострился <...> в связи с «афонским спором» об имени Божиим, когда вопрос об онтологической природе слова оказался в центре дискуссий и охватил не только церковные круги России, но и получил большой резонанс в среде светской интеллигенции <...> полемика постепенно разворачивалась вокруг вопроса о том, каково соотношение между личностью и её именем, вопроса, который своей основой

предполагал решение проблем существа имени и природы слова» [Безлепкин, 2002, с. 206]. Некоторые особенности переводческого стиля К.Я. Андроникова могут быть замечены при сравнении даже небольшого фрагмента текста о. Сергия и текста, созданного переводчиком.

«IV. Язык и мысль

Проблема Канта об основах опытного познания, о природе эмпирического познания, в котором сочетаются элементы общезначимые и конкретные, разрешается языком в том смысле, что всякий опыт стремится, расчлняясь, выразиться в слове, а слова сами собой принимают форму суждения, суждения же оформляются категориями (включая сюда пространственность и временность). Слова-идеи выделяются из того, что они собой выражают, таинственным, неизреченным актом. Слова рождаются в недрах человеческого сознания как голоса самих вещей, о себе возвещающие, отнюдь не “субъективные” (хотя и могут быть субъективно окрашены), но общезначимые, которые поэтому и могут быть общаемы, обладают качеством общепонимаемости. Последним элементом сознания, в который упирается анализ Канта, является немая, “субъективная” чувственность, которая неизвестно каким образом внедряется в познание, составляя в ней тяжёлый, неразложимый, алогический груз. От этого-то груза впоследствии и стремятся отделаться по-своему — Гегель, по-своему — Коген. Последним элементом познания, в который упирается наш анализ, есть рождение слова и идеи из того, что не есть слово-идея (хотя и не есть одиозная «чувственность»), что есть бытие до слова. Поистине, в каждом самом элементарном акте познания — именовании мы присутствуем при великой и священной тайне творения человека по образу триипостасности: из недр бытия рождается слово и это слово опознается не как придуманное, извне принесенное, но рожденное самой вещью, ее выражающее. Поэтому вслед за различением, сопровождающим рождение слова, следует синтетическое сознание того, что это и есть то, именование, суждение, познание» [Булгаков, 1999, с. 99].

«IV. Le langage et la pensée

Les philosophes et le verbe

Quelles sont les bases de la connaissance expérimentale, quelle est la nature de la connaissance empirique ou des éléments formels généraux se combinent avec des éléments concrets? Ce problème de Kant, la langue le résout en ce sens que toute expérience tend à s'exprimer par la parole en se décomposant en facteurs, tandis que les mots prennent

d'eux-mêmes la forme d'un jugement et que les catégories (y compris celles d'espace et de temps) informent les jugements. Les mots-idées se dégagent de ce qu'ils expriment, par un acte mystérieux. Les mots naissent dans les profondeurs de la conscience humaine comme les voix des choses elles-mêmes qui s'annoncent, non pas "subjectives" (encore qu'elles puissent avoir une tonalité subjective), mais signifiantes, communicables, communément compréhensibles. Le dernier élément de la conscience, auquel bute l'analyse de Kant, est une sensibilité muette, "subjective" qui, — on ne sait comment, — va s'insérer dans la conscience pour y constituer une charge pesante, irréductible, алогиче. C'est de cette charge que chercheront à se débarrasser, chacun à sa manière, Hegel et Cohen. Le dernier élément de la connaissance, contre lequel notre analyse s'appuie, est la naissance du mot et de l'idée à partir de ce qui *n'est pas* mot-idée (mais qui n'en est pas pour autant la "sensibilité" haïssable!) c'est l'être *d'avant* le mot.

En vérité, à chaque acte élémentaire de connaissance-dénomination, nous assistons au mystère grand et sacré d'une création à la ressemblance de la tri-hypostasie: au sein de l'être, un vocable naît. Et il est reconnu comme un nom, lequel n'est pas inventé, apporté de l'extérieur, mais engendré par la chose même et qui l'exprime. Aussi la distinction qui accompagne la naissance d'un vocable est-elle suivie de la conscience synthétique de ce que c'est bien cela: dénomination, jugement, connaissance» [Père Serge Boulgakov, 1991, p. 113].

Сравнение текстов показывает прежде всего то, что, переводя «Философию имени», эту «самую философскую книгу» о. Сергия Булгакова (так писал о ней ученик о. Сергия Лев Зандер, редактор её первой и на несколько десятилетий единственной публикации 1953 года в парижском издательстве IMCA-PRESS) К.Я. Андроников делит каждую главу на части, которым в соответствии с содержанием данной части сам даёт названия-подзаголовки (их совокупность представляет проблематику главы), причём эти названия напечатаны курсивом и таким образом намеренно отделены от авторского текста. Так, глава IV (из которой выше приведены начальные строки и их перевод) имеет следующие подзаголовки, созданные переводчиком на основе глубокого анализа её смысла: *Les philosophes et le verbe; Le Verbe et le langage; Le vide et le sensé; Le trouble psychologique; Adéquation et véridicité; Expérience et dénomination; Forme et beauté; Art et parole; Poésie et magie; L'énergie des mots; L'inspiration*. Некоторые из этих подзаголовков могут быть переданы на русский язык лишь при опоре на текст самого С.Н. Булгакова: *Философы и слово; Слово и язык; Пустословие и полнословие; Психологическое вырождение речи; Точное соответствие и достоверность; Опыт и именование; Форма и красота; Искусство слова и магия; Энергия слов; Боговдохновенность слова*.

Другой особенностью структуры переводного текста, сделанного К.Я. Андрониковым, является дополнительное (по сравнению с текстом-оригиналом) деление на абзацы. Хотя в тексте-оригинале, конечно же, такое деление имеется, но здесь наряду с абзацами «нормальных» размеров есть и такие, которые занимают не одну страницу, и это обусловлено, скорее всего, непростой историей создания книги, о чём в своем предисловии к её первой публикации пишет Л. Зандер: «Post-scriptum к «Философии имени», написанный к 1942 г., свидетельствует <...> о том, что проблема эта оставалась для о. Сергия живой до конца его жизни. И издание этой книги было его горячим желанием, каковое, однако, постоянно должно было отсрочиваться исполнением других, ещё более важных задач. Эти задачи не дали о. Сергию возможности придать «Философии имени» окончательную форму <...>» (цит. по [Булгаков, 1999, с. 389]). Ученик отца Сергия и сам крупный православный теолог, К.Я. Андроников смело «разрезает» текст учителя на абзацы: так, в оригинальном тексте IV главы [Булгаков, 1999] — 43 абзаца, а в переводе их 123; см. в переводе приведённого выше фрагмента переводческий «разрез» и рождение нового абзаца осуществлены после слов *что есть бытие до слова*. Это создает в переводе более рельефный, чем в оригинале, смысловой «рисунок», придаёт всему тексту большую динамичность — думается, для того, чтобы способствовать лучшему постижению образованными, привыкшими к картезианской ясности и отчётливости франкоязычными читателями конца XX — начала XXI века глубин русской религиозно-философской мысли.

Также достаточно свободно, но, никогда не греша против смысла, К.Я. Андроников обращается с тем, из чего абзац построен — с предложением. Например, из первого русского предложения приведённого выше фрагмента создаются два французских, причём первое представлено в виде «заостряющих внимание» читателя двух вопросов. В результате перевод получается более объёмным, но, как представляется, яснее передающим мысль автора; подобным же образом поступает переводчик и с предложением, которое начинает второй (во французском тексте) абзац IV главы... Что же касается лексических единиц, то подход К.Я. Андроникова остается таким же, как и в случае с более крупными единицами текста, — прежде всего ясно и отчётливо передать их смысловое наполнение, и именно поэтому, например, он переводит на французский язык все три русских прилагательных из *тяжелый, неразложимый, алогический груз*, и только одно прилагательное, первое, из *таинственным, неизречённым актом*. И, конечно же, нельзя не обратить внимания на перевод Андрониковым самого названия книги, на добавленное *du verbe* — «Философия имени» превращается в «La

philosophie du verbe et du nom”, потому что *В начале было Слово...* (Евангелие от Иоанна) по-французски звучит как *Au commencement était le verbe...*

Список литературы

- Безлепкии Н.И. Философия языка в России. К истории русской лингво-философии. 2-е изд., доп. / Н.И. Безлепкии. СПб.: «Искусство — СПб», 2002. 270 с.
- Булгаков С.Н. Философия имени / Первообраз и образ. Соч.: В 2 т. Т. 2. СПб.: ООО «Инапресс»; М.: «Искусство», 1999. С. 13—181.
- Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. М.: Едиториал УРСС, 2004. 480 с.
- Кривошеин Н.И. Памяти Константина Андроникова. К сороковому дню кончины // Русская мысль. 1997. № 4193. 16—22 октября.
- Прот. Иоанн Свиридов. Умер князь Константин Андроников / Русская мысль. 1997 № 4191. 2—8 октября.
- L'Oreille du Logos*. In memoriam Constantin Andronikof. Lausanne. Editions l'Age d'Homme. 1999. 175 p.
- Père Serge Boulgakov*. La philosophie du verbe et du nom / Trad. du russe par Constantin Andronikof. Lausanne/ Editions l'Age d'Homme. 1991. 252 p. [Collection SOPHIA — Pensée et Religion. Dirigée par Constantin Andronikof].

О.И. Костикова,

кандидат филологических наук, заместитель декана Высшей школы перевода (факультета), МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: garok@list.ru,

Чэнь Шуи,

аспирантка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: rachel_cj@sohu.com

СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: ПРАКТИКА, КРИТИКА, ТЕОРИЯ

В статье рассматриваются исторические предпосылки и условия становления и формирования китайской классической переводческой традиции в течение первого тысячелетия нашей эры на фоне проникновения и развития буддизма. Ставится вопрос о началах истории перевода в Китае, даётся обзор основных этапов переводческой деятельности в зависимости от ее особенностей, приводятся взгляды на перевод, отражённые в комментариях переводчиков и заложившие теоретические основы китайской классической переводческой традиции. Осмысливается место и роль перевода в развитии китайской культуры, значение данного периода для общей истории и теории перевода.

Ключевые слова: история перевода в Китае, «волны» активизации переводческой деятельности, перевод буддийских сутр.

Olga I. Kostikova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Deputy Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok@list.ru

Chen Shuyi,

Postgraduate student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: rachel_cj@sohu.com

Chinese Translation Tradition: Practice, Criticism, Theory

The article deals with the historical background and conditions of emergence and development of the classical Chinese translation tradition in the course of the first millennium AD when Buddhism penetrated and spread in China. The authors analyze the origin of the history of translation in China, review major stages of translation activity and its specific features and refer to views on translation found in works by Chinese translators that laid the foundations for Chinese classical translation principles. The objective of the article is to understand the significance and role of translation in the Chinese culture and the importance of this period for the general history and theory of translation.

Key words: history of translation in China, “waves” of translation activity, translation of Buddhist sutras.

Перевод — это мост, соединяющий различные культуры и цивилизации. Перевод — один из самых древних видов деятельности человечества. С тех пор как возникли языки, перевод помогал лю-

дям, говорящим на разных языках, общаться и понимать друг друга. С одной стороны, перевод обслуживает непосредственные потребности межкультурной коммуникации; с другой стороны, он способствует формированию национальных культур, обогащая их достижениями других народов. Таким образом, перевод оказывается самым непосредственным образом связан с развитием человеческой цивилизации. Как отмечал Ци Сяньлин (季羨林, 1911—2009) — по второму имени Сифу или Цисюань — известный китайский литератор, лингвист, педагог, социальный деятель, переводчик и прозаик, «китайская культура похожа на реку, то полноводную, то маловодную, но никогда не иссякавшую, потому что в нее постоянно впадали новые течения, большие и малые. Таких течений было много, но среди них — два самых значительных: одно из Индии, а другое из Европы. Путь этим течениям проложил перевод. Очевидно, что он имел очень важное значение!»¹ [Ji Xianlin, 1997, p. 2]. О великой цивилизаторской миссии перевода сказано немало: распространение религий, формирование мировоззрений, совершенствование словесности, развитие литературы и искусства, передача научных знаний, развитие государственности, войны и перемирия, путешествия и открытия, международное взаимодействие на самых разных уровнях, наконец, глобализация были бы невымыслимы без «общественной функции коммуникативного посредничества между людьми» [Гарбовский, 2004, с. 214]. Важно, что, являясь одновременно и общественно значимой деятельностью, и объектом междисциплинарных исследований, перевод предстает как сложное явление, охватывающее всю историю человечества, и здесь нельзя не согласиться с Ван Оффом: «изучение теории перевода равносильно изучению истории мира, истории цивилизации, но сквозь призму перевода» [Van Hoof, 1991, p. 7; цит. по: Гарбовский, 2004, с. 19]. Как и куда будет сфокусирована эта призма — на историю ли человечества и роль, которую сыграл перевод в её развитии или на переводческую деятельность и её осмысление в разные исторические эпохи — зависит от целей исследователя. И в том и в другом, случае постижение исторического опыта, его осмысление является фундаментом для развития науки о переводе, направленной на выработку и теоретическую систематизацию объективных знаний о феномене перевода, а практическая ценность и дидактическая значимость исторических разысканий также очевидна [Костикова, 2011, с. 6—7].

Как и в других древних странах, перевод в Китае существовал издавна, его история представляет собой богатый материал для исследователей. Однако исследования в области истории перевода

в Китае в качестве одного из аспектов переводоведения начались совсем недавно — в конце прошлого столетия, в отличие от многих западных стран. В истории Китая переводческая деятельность традиционно считалась «пустяковым делом», и долгое время на её исследование обращали действительно мало внимания. При этом круг работавших в данной области специалистов был чрезвычайно узок. Но, несмотря на наличие этих негативных факторов, исследования в области истории перевода в Китае продолжают развиваться динамично. В 1984 году появилась книга «Краткая история перевода в Китае — до «Движения 4 мая» (中国翻译简史), которая была выполнена известным учёным и переводчиком Ма Цзуи (马祖毅); в 2004 году опубликовано исследование Ван Бинциня (王秉钦) «История переводческой мысли в Китае», а в 2006 году вышло в свет крупнейшее энциклопедическое издание в сфере науки о переводе — «История перевода в Китае» (中国翻译通史), созданное авторским коллективом под руководством и редакцией Ма Цзуи. Однако из-за слабой коммуникации накопленные в области истории перевода в Китае знания по-прежнему остаются закрытыми для зарубежных исследователей.

Методологические основания для этой науки в Китае находятся в стадии становления. Все те вопросы, которые поставлены на повестку дня современными западными исследователями — объект и предмет истории перевода, отношения между переводческой практикой и суждениями о переводе, вопрос об объективности описания исторических фактов и о достоверности источников, поиск моделей исторического описания переводческой деятельности [там же, с. 10—11] находят свое отражение и в работах китайских исследователей. Одним из важных вопросов в свете сказанного оказывается вопрос упорядочивания событий исторического прошлого, которое в области теории и практики перевода в Китае оказывается очень насыщенным. В российской науке о переводе критический анализ существующих подходов к периодизации истории перевода мы находим у Н. Гарбовского. Он считает целесообразным строить периодизацию исходя из того, чтобы «каждый из рассматриваемых периодов оставил в истории перевода особый след и продемонстрировал существенные отличия от того, что делалось и писалось о переводе в другие исторические периоды» [Гарбовский, 2004, с. 20].

Китайский исследователь Ма Цзуи выделяет четыре вехи в истории перевода в Китае, называя их «волнами». При таком подходе акцент смещается с крайних рубежей того или иного исторического периода, переломных моментов, свидетельствующих о зарождении или угасании какой-либо тенденции, к его середине, кульминации,

¹ Здесь и далее перевод на русский язык наш. — Ч.Ш.

свидетельствующей о наивысшей активизации переводческой деятельности:

1) Перевод буддийских сутр с конца правления династии Восточная Хань до конца правления династии Северная Сун (т.е. с 148 года до начала XI века);

2) Перевод научно-технической литературы на рубеже династии Мин и Цин (со второй половины XVI до середины XVIII века);

3) Перевод произведений западных авторов после «Опиумной войны» и во время «Движения 4 мая» (со второй половины XIX до начала XX века);

4) Перевод новейшего времени (т.е. после проведения политики реформы и открытости) [Ma Zuyi, 2001, p. 3].

Основное внимание данной статьи сосредоточено на исследовании первой «волны» активизации переводческой деятельности, растянувшейся более чем на тысячу лет.

1. Начало переводческой деятельности в Китае

В древние времена на территории Китая жило много народов и племён, которые говорили на разных языках. Общение между ними осуществлялось через людей, говоривших на двух (или многих) языках. К сожалению, никаких свидетельств об этой деятельности не осталось. Самый ранний источник с упоминанием о переводе, который найден исследователями на сегодняшний день, относится к эпохе Чжоу (XI в. — 256 г. до н.э.). В одном из главных канон конфуцианства «Трактате о правилах поведения» («Ли Цзи» — «礼记·王制») сообщается, что в эпоху Чжоу перевод выполнялся государственными служащими. Переводчики занимали специальные чиновничьи должности в зависимости от языковой комбинации, которой владели (речь шла о языках разных этнических групп, населявших древний Китай и прилегающие территории): *Цзи* (寄) — переводчик восточных языков; *Сян* (象) — переводчик с языков южных народов; *Диди* (狄鞮) — переводчик языков западных народов; *И* (译) — переводчик с языков народов севера. Все они именовались Шежэнь (舌人, «люди языка») — это было официальное наименование государственных переводчиков — и занимались в основном устным переводом. Также к ним относились и *Сянсюй* (象胥) — служащие, отвечавшие за прием иностранных делегаций и послов разных стран, что-то вроде службы международного протокола. [Gao, p. 1—3]. Самое раннее свидетельство об устном переводе в истории Китая появилось в летописи «История династии Поздняя Хань» («Хоу Ханьшу» — «后汉书»). В книге сообщается о разговоре между послом из южной страны Юэшан (越裳国 — древнее наименование Чампы или Тямпы) и князем Чжоу-Гуном

/Цзи Данем/ (周公姬旦), который велся через трех переводчиков, то есть через три языка-посредника. Китайское слово «И» (кит. упр. — 译, кит. трад. — 譯), обозначающее «перевод» в современном языке и возникшее, как было сказано выше, в эпоху Чжоу, входило в название государственного титула, принятого со времён династии Хань (195 г. до н.э. — VII век), — «игуань» 译官 или «иши» 译仕 — букв. «перевод для официальных целей, перевод официальных лиц». В летописях говорится, что в эпоху Хань переводчиков активно использовали китайские купцы, отправляющиеся в экспедиции по юго-восточной Азии и Индии, они обслуживали и торговые караваны, направляющиеся на север и север-восток, например, в Бактрию. В эпоху династии Тан (618—906 годы), когда культурные связи между Китаем и его ближайшими соседями вышли на новый уровень, многие иностранцы, проживающие в Китае, привлекались на государственную службу в качестве устных переводчиков, им было дозволено сопровождать китайских чиновников в различных официальных и дипломатических миссиях [Hung&Pollard, 366].

Что касается письменного перевода, то некоторые учёные считают, что самым ранним письменным переводом считается «Песня жителей Юэ» («越人歌») из «Шуо Юань» («说苑») — «Сада историй» — сборника рассказов и заметок, которые были собраны известным китайским учёным конфуцианцем Лю Сяном (刘向, 77—6 годы до н.э.).

«Песня жителей Юэ», возможно, является первым поэтическим переводом в истории Китая. Но поскольку у «Песни жителей Юэ» не сохранилось первоначальной рукописи, некоторые учёные склонны полагать, что письменный перевод в Китае начинается с 148 года, когда в Китай прибыл парфянский монах Ань Шигао (安世高) и начал переводить на китайский язык буддийские сутры, привезённые с родины, занимаясь миссионерской деятельностью. Считается, что с 148 года история перевода в Китае вступила в новую эпоху, в которой наряду с устным переводом начал развиваться и письменный перевод.

2. Перевод буддийских сутр с 148 года до начала XII века. Первая волна

Мнения современных ученых о появлении первых переводов буддийских сутр с санскрита на китайский язык расходятся. Существует мнение, что ещё во II веке до н.э. уже был переведён на китайский язык так называемый «Канон Будды» («浮屠经» (кит. «Фу-ту Цзин»), другие исследователи считают, что перевод буддийских сутр начался с «Сы ши эр чжан цзин» («四十二章经») —

«Сутры сорока двух разделов», выполненный индийским монахом-миссионером Кашьяпа-Матангой (摄摩腾) в 67 г. [Gao, 2009, p. 7]. Однако данные точки зрения основываются на легендах, записанных в сохранившихся памятниках буддийской историографии², других, более достоверных источников для их подтверждения на сегодняшний день не существует. Наиболее достоверной считается версия, согласно которой история перевода буддийских сутр в Китае начинается с сутры «*Мин-ду-у-ши-цзяо-цзи Цзин*» («*明度五十校计经*»), переведённой Ань Шигао [Ma, 2001, с. 67]. В любом случае этот процесс начался на рубеже нашей эры.

Столкнувшись с буддизмом, Китай оказался перед лицом древней и развитой инокультурной традиции, которая при этом не внесла кардинальных изменений в китайскую культуру, а наоборот изменилась сама, адаптировавшись к ней, что во многом было обусловлено самой философией буддизма.

В развитии китайского буддизма исследователи выделяют три этапа [см., напр.: Анашина, электронный ресурс]:

1. *Период династий Хань* (汉, 206 год до н.э. — 220 год н.э.), *Троецарствия* (三国, 220—280), *двух Цзинь* (晋, 265—420), *Северных и Южных династий* (南北朝, 420—589). Это время характеризуется проникновением буддизма из Индии, его адаптацией на местной почве.

2. *Период династий Суй* (隋, 581—618) и *Тан* (唐, 618—907) — «золотой век» китайского буддизма, время его могущества, существования философских школ, расцвет китайской буддийской философии.

3. *Период династий Сун* (宋, 960—1279), *Юань* (元, 1271—1368), *Мин* (明, 1368—1644) и *Цин* (清, 1644—1911). В это время наблюдается неуклонное падение влияния буддизма на китайскую культуру, уменьшение числа верующих. В то же время многие буддийские идеи преломляются в неоконфуцианстве, даосизме. Буддизм занимает свою «нишу» среди «трех учений».

Однако что касается истории перевода буддийских сутр, Ма Цзуи предлагает выделить четыре периода [там же, с. 69]:

1. *Первый период перевода буддийских сутр с конца эпохи Восточная Хань до эпохи Западной Чжинь (т.е. с 148 до 316 года).*

2. *Второй период перевода буддийских сутр (317—617 годы).*

3. *Третий период перевода буддистских сутр (618—906 годы).*

4. *Четвёртый период перевода буддийских сутр (со второй половины X до начала XII века).*

Рассмотрим каждый из периодов в отдельности.

² Цзин (经) — китайский иероглиф, обозначающий «сутра», или «канон», а также «книга».

1) Первый период перевода буддийских сутр с конца эпохи Восточная Хань до эпохи Западной Чжинь (т.е. с 148 до 316 года)

Отказавшись от престола в Парфии в пользу своего дяди и посвятив жизнь религиозному призванию, бывший принц Парфии дает монашеский обет и отправляется в Китай, в тот самый город, где согласно летописям за 80 лет до этого уже появлялись два парфянских монаха — Кашьяпа-Матанга и Дхамаратна (кит. Чжу Фалань 竺法蘭), принесшие в дар императору Мин-ди буддийские сутры. В 148 г. Ань Шигао прибыл в Лоян (洛阳), столицу Восточной Хань, и начал переводить с санскрита на китайский язык буддийские сутры³. На протяжении 20 лет, с 148 по 172 год, он перевёл 35 томов и 41 свиток буддийских сутр, в том числе «*Мин-ду-у-ши-цзяо-цзи Цзин*» («*明度五十校计经*»), «*Анапанасати сутру*» («*安般守意经*», кит. «*Ань-шоу-и Цзин*») и другие. Он положил начало принципу перевода — «*гэ и*» («согласование смыслов», «выверение смысла» терминов по имеющимся образцам) для наиболее адекватной передачи смысла оригинала. Особую сложность представляли буддийские термины, для их перевода он часто использовал понятия даосизма. Это приводило к определенному искажению буддийского учения. В целом же сутры, переведенные Ань Шигао, представляли собой более или менее пространное изложение общего смысла буддийских сочинений. Некоторые фрагменты он переводил через транскрипцию или кальку, из-за чего многие переведённые термины остались непонятными. Тем не менее, благодаря такому методу китайцы смогли познакомиться с буддийским учением в «адаптированном» виде, поэтому, очевидно, буддизм и не встретил серьёзного сопротивления со стороны образованных китайцев.

По следам Ань Шикао пошёл Локакшема (支谶, Чжи Чэнь, II век), кушанский монах, прибывший в Лоян в 147 году. В совершенстве владея китайским языком, Чжи Чэнь перевёл много буддийских сутр, самыми известными из их были «*Пратуитпанна Санмадхи Сутры*» («*般舟三昧经*», кит. «*Бань-чжоу-сан-мэй Цзин*»), и четвёртая часть «*Праджняпарамита*⁴ сутры» («*道行般若经*», кит. *Дао-син-бань-но-Цзин*). Чжи Чэнь был первым буддийским монахом, переводившим учения о махаяне и праджне. Рассуждая о переводе, он говорил, что переводчику буддийских сутр следует отбросить кон-

³ 慧皎 续高僧传 (Хуэй Цзяо «Гао сэн чжуань»); Хуэй-цзяо. Предания о возвышенных монахах / Жизнеописания достойных монахов; русский пер. М.Е. Ермаков, 1991, 2005).

⁴ Существует и другая версия появления Ань Шигао в Китае: будучи светским будистом, он оказался и удерживался в Китае с некоторыми членами своей семьи в качестве заложника [см. об этом: Forte].

цепцию *Вэнь* (文)⁵, а придерживаться концепции *Чжи* (质), т.е. при переводе сохранять смысл оригинала, в меньшей степени заботясь о красотах стиля и риторике. Как и Ань Шигао, он был представителем так называемого «строгого» перевода. Теоретические основы этого направления, как и противоположного ему «литературного» перевода, были изложены в комментариях Чжи Цяня.

Чжи Цянь (支谦) — ученик Чжи Чэня, изучивший многие сутры, хорошо знал шесть языков. В течение 30 лет с 223 по 253 год, он перевёл с санскрита на китайский язык 29 томов, в числе которых были «Сутры Неограниченной Совершенной Мудрости» («明度无极经», четвёртая часть «Праздника парамита сутры»). Помимо этого он оставил после себя серьезные рассуждения о переводе буддийской литературы и может считаться первым теоретиком перевода. В 224 году Вэй Чжинань (维祗, *Vighna*) и его спутник Чжу Цзяньян прибыли в Учан, южный город Китая, и вместе переводили с языка пали «Дхаммападу» — сборник изречений Будды («法句经», кит. «*Фа-цзюй Цзин*») [Ма, с. 74] Чжи Цянь в предисловии к «Дхаммападе» сделал комментарий к переводу, и высказал своё мнение о переводе. Размышления касались вопросов философской природы и эстетики перевода, отношений концепции *Вэнь* (смысловой и стилистически изящный перевод) и *Чжи* (буквальный перевод), а также основных переводческих критериев — «выразительности», «изящества» и «верности» [Gao, 2009, p. 10]. В научной литературе нет единого мнения относительно переводческих предпочтений самого Чжи Цяня. Некоторые исследователи считают, что он был сторонником «строгого» стиля [Потапова, 2008, с. 11], а избегание транслитераций (т.е. предпочтение собственно перевода, литературной обработки) несвойственно его стилю [Lancaster, 1983, p. 248]. Другие же, напротив, полагают, что предпочтение перевода, а не транскрипции считается одной из отличительных черт перевода Чжи Цяня [Katsuzaki, p. 68, 91; Wang & Shouyi, 1999, p. 13]. Как бы то ни было, именно к этому предисловию Чжи Цяня, по мнению современных исследователей, восходят начала богатой оригинальной и самобытной китайской теории перевода [Потапова, 2008, с. 11—12; Gao, 2009, p. 10; Xu, 1999, p. 47].

Ещё одним переводчиком, сыгравшим важную роль в истории перевода в Китае в первый период был Дхармаракша (竺法护, 231—308). Путешествуя по территории западной Азии, он выучил 36 языков. С 260 до 308 года он перевёл 159 томов буддийских сутр

⁵ Праздник парамита (санскрит — «совершенная мудрость») — одна из главных концепций буддизма Махаяны, принципиально описывающая доктрину дхарм и пустоты (шуньяты), кажущейся реальности и пути бодхисаттв — Википедия).

и является знаменитым переводчиком, который внёс огромный и яркий вклад в развитие буддизма в Китае.

Подводя итог первому периоду перевода буддийских сутр, следует отметить, что в это время переводами занимаются в основном монахи-иноземцы. На этом начальном этапе переводческая деятельность ещё не получила поддержку со стороны правящего класса, но и не вызвала резкого отторжения со стороны интеллектуальной элиты, масштабы переводческой деятельности в этой области были сравнительно скромны, но достаточны для распространения буддийского учения и определенного интереса к нему, наконец, отметим, что с этим периодом связаны первые попытки теоретизации и осмысления трудностей, встающих перед переводчиками.

2) Второй период перевода буддийских сутр (317—617 годы)

Этот период начинается с династии Восточная Цзинь (东晋, 317—420) и длится до конца династии Сун (隋朝, 581—617). Благодаря поддержке правящих классов буддизм в это время получил широкое распространение в Китае. Начался новый этап. С ним связано появление первых переводческих школ. В 303 году началась организация специальных заведений для перевода буддийских сутр, возглавляли их известные переводчики и проповедники буддизма. В этот период было переведено всего 3155 томов сутр. Была проделана большая работа, в ней участвовали не только иноземные монахи, но и китайские переводчики, самыми известными из которых были Ши Даоань, Цзюмолоши и Янь Цун.

Ши Даоань (释道安, 312—385), или просто Дао Ань, был монахом высшего ранга и переводческим критиком династии Восточная Цзинь. Родом из китайской провинции Хубей, Дао Ань еще подростком заинтересовался буддизмом. Получив знания в путешествиях у известных монахов, он с 365 года стал вести проповедническую, переводческую и редакторскую деятельность в одном из городов родной провинции. Он собрал имеющиеся переводы сутр в хронологическом порядке, создал свод переводов буддийских канонов, участвовал в строительстве буддийских храмов и воздвижении статуй божествам [Wang & Shouyi, 1999, p. 10]. Он выступал за создание специальных институтов для перевода буддийских сутр и призывал к созданию специальных словарей. Дао Ань начал серьезное обсуждение критериев перевода, что было важно для продолжения закладывания основ теории перевода. При Дао Ане стали устраиваться переводческие собрания, сам он возглавлял одно из таких собраний, а перевод буддийских сутр стал пользоваться поддержкой знати, что позволило поднять уровень перевода на новую ступень.

Дао Ань не знал санскрита, а потому боялся потери смысла при переводе. В связи с этим он требовал от переводчиков максимально дословной (а иногда и пословной) точности при переводе, не допускать никаких сокращений и добавлений и добиваться при этом, чтобы переведённый текст был литературным и понятным читателю. Дао Ань был первым, кто поставил в Китае вопрос правильности языка перевода и точности передачи оригинального содержания.

Он переводил в основном ранние буддийские тексты, а также составил первый свод переведенной на китайский язык буддийской литературы — так называемый «Сводный каталог сутр» («*綜理眾經目錄*» — «*Цзунли-чжунцзин-мулу*») [Gao, 2009. p. 13]. Основная же часть его работы состояла в критических разборах переводов, комментарии терминологии, разъяснении сути отдельных фрагментов буддийских учений. Ведь ранние переводчики часто допускали ошибки и искажения, а некоторые из них не всегда понимали смыслы, сокрытые в оригинале. Поскольку иноземные монахи-переводчики зачастую недостаточно хорошо владели китайским языком, а их китайские коллеги не знали санскрита, в переводах было много ложных толкований. По мнению Дао Аня, основные проблемы в переводе были связаны, во-первых, со сложным синтаксисом санскрита и разнообразными оттенками значений, не всегда правильно понимаемые. Если, например, оригинальный текст изобилует эллиптическими конструкциями, при переводе их дословно, без разъяснений смысл затемнялся, а иногда и просто терялся. Во-вторых, зачастую термины санскрита оказывались ёмкими и неоднозначными, им было трудно подобрать адекватные выражения на китайском языке, чтобы передать все смысловые нюансы. В-третьих, сложные объёмные предложения некоторых сутр содержали, на первый взгляд, большое количество (ненужных?) повторов, которые сокращались в целях ясности, а иногда и изящества в переводе, но на самом деле в этих повторах развивались идеи, уточнялись положения учений, а в переводе эти фрагменты утрачивались [см. об этом: Wang & Shouyi, 1999, p. 10; Gao, 2009, p. 14].

В предисловии к *Маха-пруджня-парамита-сутре* Дао Ань на основе своих опытов он изложил концепцию «пяти потерь» (五失本 — «*у-ши-бэнь*») и «трёх трудностей» (三不易 — «*сань-бу-и*»), которые неминуемы при переводе с санскрита на китайский. Эта концепция оказала большое влияние на развитие китайской классической теории перевода. Так называемые «Пять потерь» указывают на то, что поскольку между исходным языком и переводящим языком существует разница в грамматике, стилистике, узусе и нормах написания, то переводчику необходимо вносить какие-то измене-

ния в оригинал, и из-за этого оригинал неизбежно потеряет свой образ в переведённом тексте. Причины «потерь» — ситуации, когда переводчик вынужден отходить от содержания или формы оригинала, состоят в том, чтобы переведённый текст соответствовал нормам китайского языка. С другой стороны, если мы потеряем образ оригинала, то мы сможем поручить совершенный образ переведённого текста. То есть мы теряем для того, чтобы впоследствии получить — в этом заключается диалектика перевода. «Трудности» же связаны с передачей смысла глубоких буддийских учений людям, далеким от этой религии или даже просто недостаточно образованным, а также с тем, что через 1000 лет после смерти Будды трудно было проверить истинность источников, распространяющих его учение [там же, p. 13]. Подводя итог деятельности Дао Аня, необходимо отметить, что его начитанность и широкий кругозор позволяли проникать в смыслы санскритских текстов, устранять по мере возможности искажения, допущенные прежними переводчиками и разъяснять значения до того темных фрагментов в комментариях, которыми восхищались многие его коллеги, в частности еще один известный переводчик Кумараджива.

Кумараджива, или Цзюмолоши (鳩摩羅什, 350—409), — монах высшего ранга и знаменитый переводчик и комментатор буддийских сутр. За всю жизнь он перевёл 74 томов и 384 свитка сутр, принадлежавших как к буддизму махаяны, так и хинаяны, среди которых две наиболее известные — «Сутра сердца» (санскр. «Пруджняпарамита Хридая сутра», кит. «*摩訶般若波羅蜜多心經*» — «Сутра сердца совершенной мудрости») и «Алмазная сутра» (санскр. «Ваджраччхедика Пруджняпарамита сутра», кит. «*金剛 [般若波羅蜜多] 經*» — «Сутра о совершенной мудрости, рассекающей [тьму невежества], как удар молнии»). Благодаря глубоким знаниям буддийского учения и совершенному владению китайским языком Кумараджива снискал славу среди современников и последующих поколений, а его переводы стали называть «новым каноном». Современники Кумарадживы и предыдущие поколения переводчиков прибегали к методу *э-и* (см. выше), пытаясь использовать слова и понятия, полученные из даосских текстов для того, чтобы сделать буддийские учения более понятными и более приемлемыми для китайской аудитории. Но зачастую это сказывалось на качестве переводов, которые не всегда точно отражали содержание оригинальных текстов, а иногда просто искажали их. Дао Ань был против такого подхода и Кумараджива отвергал его в целом, стараясь давать буддийским понятиям собственные наименования в китайском языке, чтобы не путать их с понятиями даосизма (если их значения были различны) [Ma, с. 35]. У Кумарадживы была собственная переводческая стратегия, состоящая из нескольких этапов:

1. проверка совпадения фонетической транскрипции в старых переводных сочинениях с новым произношением; 2а. если по значению компонентов термина невозможно или трудно догадаться о значении терминов, то такие термины переводились заново; 2б. если старые термины были достаточно удобны, то они оставались без изменения; 3. все термины проверялись и в случае необходимости исправлялись по их значениям [Анашина, электронный ресурс]. Метод, предложенный Кумарадживой, оказался довольно удачным, а его авторитет как переводчика был столь велик, что большинство буддийских текстов, переведенных Кумарадживой, впоследствии были канонизированы и считались нормативными [там же].

По мнению Кумарадживы, перевод должен передавать смысл оригинала, выразить идею и одновременно стремиться к красоте слога. Основным критерием качества перевода для Кумарадживы стала верность, но такая чтобы не вызвать у читателя тошноту⁶. Для достижения верности и соблюдения литературного стиля прибегал к сокращению сложных синтаксических структур текста на санскрите и передаче его смыслового содержания на китайском языке простыми грамматическими конструкциями [Wang, 1988, p. 7]. При этом он стремился сохранить саму суть переводимого текста. Кумарадживу традиционно относят к представителям «литературного» перевода, однако в своей работе он стремился сочетать оба подхода: строгость в отношении передачи смысла и литературность в отношении языка перевода. Об этом свидетельствует тот факт, что одним из основных критериев качества перевода он выделял «верность», сохраняя которую, переводчик должен стремиться к выразительности и красоте языка. Он был великим мастером, открывшим новую эпоху перевода буддийских сутр в истории Китая. Его переводческая концепция оказала большое влияние на работу последующих поколений переводчиков.

⁶ *Вэнь* и *Чжи* — концепции *Вэнь* и *Чжи* относятся к категориям китайской классической эстетики. Они основаны на «Учении об идеальности» Конфуция. В литературной сфере *Вэнь* (культура, стиль, образование, словесность) воспринимается как изящный, риторический стиль, а *Чжи* (материальная основа, стихия, природа) — простой, безыскусный стиль. Конфуций считал, что если в тексте стиль *Чжи* превосходит стиль *Вэнь*, то текст будет слишком вульгарным; а если *Вэнь* превосходит *Чжи*, то текст надолго останется в истории (质胜文则野, 文胜质则史). Применительно к переводческой практике *Вэнь* воспринимается как смысловой перевод в риторическом стиле, *Чжи* — буквальный перевод, который представляется безыскусным, и иногда недоступным читателям. Они считаются идеологическими первоисточниками китайской классической теории перевода. В российской науке эти направления иногда называются «литературного» («приукрашенный») и «строгий» перевод [Потапова, 2008, с. 11—12].

Благодаря деятельности Кумарадживы в переводческой практике Китая был достигнут значительный прогресс: сложилась философская система китайского буддизма, простые и понятные «новые переводы» способствовали широкому распространению этого учения [Потапова, 2008, с. 12].

Подводя итог второму периоду развития перевода буддистских текстов в Китае, нельзя не упомянуть о Янь Цуне (彦琮, 557—610), переводчике и критике, жившем во времена династии Сун. В одном из своих сочинений он сформулировал «восемь условий» «八备» верного перевода буддийских сутр, преимущественно связанных с морально-нравственным воспитанием переводчиков. По его мнению, только те, кто обладает добродетелью и талантом, могут быть хорошими переводчиками. Он говорил о необходимости изучать санскрит и точно следовать древним письменам, что характеризует его скорее как сторонника «строгих» переводов. «Восемь условий», изложенных Янь Цунем, — это первая в китайской истории перевода попытка задуматься над деонтологией переводческой деятельности, выработать правила переводческой этики.

3) Третий период перевода буддистских сутр (618—906 годы)

В истории перевода эпоха династии Тан (唐, 618—906) является периодом наибольшего расцвета перевода буддийских сутр. Важно отметить, что в отличие от предыдущих двух периодов в эту эпоху переводчиками буддийских сутр были в основном коренные китайцы, среди которых наибольшую известность получили Цзин (义净, 635—713), Бу Кун (不空, 705—774), Сюань Цзан и другие.

Сюань Цзан (玄奘, 602—664) — знаменитый буддийский монах, учёный, философ, переводчик и путешественник. Он родился в семье учёных, рос трудолюбивым и любознательным, общался с известными учителями и наставниками, изучающими буддизм, активно изучал буддийскую литературу. Заметив, что среди буддийских канонов, переведенных на китайский язык, существовало много смысловых расхождений, Сюань Цзан решает отправиться в Индию на поиски духовного наставника и текстов первоисточников. После своего семнадцатилетнего «путешествия на Запад» (627—645 годы) Сюань Цзан привозит на родину различные святыни, а также 657 томов буддийских текстов на санскрите. Заручившись поддержкой императора, он организует «Переводческое собрание» в городе Чанъань (长安), куда привлекает учеников со всей Восточной Азии. С 645 по 663 год вместе со своими учениками он перевёл 75 томов сутр и 1335 свитков — больше половины всех переведённых сутр в эпоху Тан. Организация работы в «переводческих собраниях» третьего периода была очень четкой и регла-

ментированной: только монахи или государственные чиновники с особыми способностями получали возможность принимать в них участие, никому, кроме тех, кто непосредственно участвовал в работе над переводом, не разрешалось входить в помещение «собраний». У каждого члена «собраний» были свои должностные обязанности. Как правило, функции «выпускающего редактора» (润文, «жунь-вэнь»), т.е. специалиста, осуществляющего финальную стилистическую правку, выполнялись государственным чиновником, проявившим литературный талант, остальные задачи (перевод, критика, запись, толкование, сверка, вспомогательные функции, общий контроль и т.п.) решали только монахи.

Через переводы новых сутр, привезенных из Индии, Сюань Цзан познакомил своих современников с буддистской логикой — Хетувидьей⁷. Он являлся первым переводчиком этого направления логики, способствовал тем самым его развитию в Китае.

С именем Сюань Цзана связаны и первые в истории Китая переводы с китайского языка. Сюань Цзан излагает на санскрите философские произведения Лао Цзы (老子, примерно 462—302 годы до н.э.). Он переводил и других авторов китайской классической литературы для индийских читателей. Под влиянием Сюань Цзана деятельность переводчиков во время династии Тан оказалась небывало активной, именно этот период является кульминацией первой волны истории перевода в Китае.

Сюань Цзан внес значительный вклад не только в развитие переводческой практики в Китае, но и в осмысление переводческих проблем и дальнейшее развитие теоретических положений. Интересными представляются разработанные и применяемые им на практике переводческие приемы. Он соединил достоинства обоих способов перевода — «строгого» и «литературного», буквального и вольного и избавился от их недостатков. Стремясь к гармонизации концепций Дао Аня, с одной стороны, и Кумарадживы — с другой, Сюань Цзан предложил свой принцип — «стремиться и к точной передаче смысла, и к тому, чтобы перевод был простым и понятным, т.е. общедоступным». Основным критерием хорошего перевода становится «правдивость и доступность» [Zhong, 2003], т.е. поиск золотой середины между вольным и буквальным. Впоследствии учёные обнаружили, что Сюань Цзан использовал в своей практике такие переводческие приёмы, как введение дополнительной информации, опущения, перестановки, объединение и разделение предложений, замену местоимений на имена собственные и др. [Gao, 21].

⁷ Хетувидья — (因明学, кит. *иньмин санск.* Hetuvidyā). Буддийская логика, исследует процессы, связанные с привязанностью и с восприятием мира сознанием человека, с его представлениями о мире.

Спустя более чем двести лет после Кумарадживы Сюань Цзан систематизировал и сформулировал принципы перевода буддийских текстов, особенно в области терминологии, которые исследователи предлагают сформулировать как «пять принципов того, что не переводится» [Потапова, с. 12-13]. Сюань Цзан по праву считается наиболее значимой фигурой первой «волны» активизации переводческой деятельности в Китае.

4) Четвёртый период перевода буддийских сутр (со второй половины X до начала XII века)

После упадка династии Тан перевод буддийских сутр постепенно стал терять свою значимость. Из-за борьбы за землю и рабочие силы между императорскими семьями и буддийскими монастырями буддизм был запрещён. Спустя несколько десятилетий наступила эпоха династии Северная Сун (北宋, 960—1127), буддийские храмы стали возрождаться, а буддизм вновь начал укреплять свои позиции в Китае. В 982 г. были организованы новые «собраний» для перевода сутр периода позднего индийского буддизма, но из-за резкого сокращения поставок буддийских текстов из Индии перевод их постепенно практически прекратился до конца династии Северная Сунь (1111 г.) [Ma, 2001, с. 110].

Заключение

Рассмотренные периоды перевода буддийских сутр подтверждают огромное значение переводческой деятельности на этом этапе развития истории Китая, как для культуры в целом, так и для теории и практики перевода в частности. Открытие китайской культуры внешнему миру, взаимодействие китайской и западной культур началось с распространения индийского буддизма через переводы. Более 1000 лет переводы буддийских классиков оказывали основательное влияние на китайскую культуру на ее философию, религию, литературу, язык, музыкальное и изобразительное искусства. Вместе с буддийскими текстами переводчики сделали возможным проникновение в Китай не только буддийских учений, категорий и логики, но и различных научных достижений, в частности в области астрономии и медицины. Все это дало новый импульс развитию китайской культуры.

Перевод буддийских сутр сыграл очень важную роль в развитии китайской литературы. Буддийские сутры включали в себя много интересных рассказов, которые обогатили новыми сюжетами лите-

ратурное творчество китайских авторов. Появление и распространение буддийских сутр также стимулировало формирование новых литературных стилей и жанров. Например, такие литературные жанры, как роман, драма, сказание и другие своеобразные формы фольклорной литературы, постепенно формировались в процессе проповеди буддийских канонов среди простых людей. Для буддийских текстов характерно большое количество метафор и сравнений, которые впоследствии были заимствованы как литературный прием и широко использовались во многих литературных произведениях.

Перевод буддийских сутр принёс в Китай много новых слов и понятий и тем самым обогатил китайский язык, например «Бодисатва» (菩薩, *пуса*), ямараджа (阎罗, *яньло*), «мир» (世界, *шицзе*), «сознание» (意识, *иши*), «земная жизнь» (尘缘, *чэньюань*), «бедствие» (劫, *цзе*) и т.д. В общей сложности исследователи насчитывают около 35 000 новых слов, появившихся в китайском языке с переводами буддийских текстов. По мнению китайских ученых, благодаря этим переводам китайцы стали более чувствительны к качеству тонов слогов в словах, что постепенно привело к оформлению схемы с четырьмя тональными вариантами, существенно облегчивших стихосложение на китайском языке [Wang & Shouyi, 1999, p. 15]. Лян Цичао выделил десять серьёзных стилистических и синтаксических изменений, затронувших китайский язык на протяжении веков, в частности увеличение числа предложений с обратным порядком слов [там же].

Кроме того, поскольку в целях доступности для читателя в переводах на китайский язык использовался не только классический литературный язык *вэньянь*, но и разговорный язык простых людей *байхуа*, его статус значительно повысился, что в свою очередь способствовало постепенной эволюции китайского языка от *вэньянь* к *байхуа*.

Что же касается значения этого периода для общей истории и теории перевода, то здесь, безусловно, также можно обозначить следующие ключевые моменты.

Во-первых, через практику перевода буддийских текстов формировались основы китайской классической теории перевода. В свете переводческих проблем были переосмыслены основные категории даосизма и конфуцианства *вэнь* («литературный» /смысловой/ перевод в изящном стиле, вольный перевод) и *чжи* («строгий» /буквальный или дословный/ перевод), осознана относительность принципа «точности» и неизбежность потерь при переводе, выработаны первые критерии правильного перевода, заложены основы пере-

водческой этики. Переводческая практика этого периода в Китае подтверждает тезис о том, что «весь переводческий опыт состоит из противоборства противоположных тенденций» [Гарбовский, 2004, с. 129], а стремление к гармонизации существующих антиномий является движущей силой как для переводческой деятельности, так и для её осмысления.

Список литературы

- Анашина М.В. Учение школы Саньлунь: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page54222528.htm>
- Баяртуева Е.Ж. Становление письменной традиции мадхьямики в Китае: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-pismennoitraditsii-madkhyamiki-v-kitae>
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2004. 543 с.
- Костикова О.И. История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 2. С. 3—22.
- Потанова Н.В. Китайские переводы «Алмазной сутры» и «Сутры сердца»: текстологическая интерпретация и комментарии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Forté Antonino. The Hostage An Shigao and His Offspring: An Iranian Family in China // Italian School of East Asian Studies. Occasional Papers Series. Vol. 6. 1995.
- Gao Huali. A Short History of Translation and Interpretation in China and Other Countries. Hangzhou: Zhejiang University Press, 2009. 363 p.
- Hung Eva & Pollard David E. Chinese tradition // Routledge encyclopedia of translation studies / Ed. by Mona Baker. London & New York: Taylor & Francis Group. 654 p.
- Ji Xianlin. A Preface to Chinese Translation Dictionary // Chinese Translation Dictionary. Wuban: Hubei Education Publishing House, 1997. 1327 p.
- Katsuzaki Yūgen. Shiken no yakugo no kenkyū — Daimyōdōkyō no yakugo bunseki. — Taishō daigaku sōgō bukkyō kenkyūjo nenpō. N 7. P. 67—93.
- Van Hoof H. Histoire de la traduction en Occident. Paris, Louvain-la-Neuve, 1991.
- Wang Kefei. Jiumoluoshi yu Yan Fu (Kumarajiva and Yan Fu) // Zhongguo fanyi 4. 1988. P. 7—21.
- Wang Kefei & Shouyi Fan Translation in China: A Motivating Force // Meta. Journal des traducteurs. 1999. Vol. 44. N 1. P. 7 — 26.
- Lancaster, Lewis R. The Chinese Translation of the Aṣṭasāhasrikā-prajñāpāramitā-sūtra attributed to Chih Ch'ien 支谦. Monumenta serica // Journal of Oriental Studies. Vol. 28. P. 246—257.

Ma Zuyi. History of Translation in China // An Encyclopedia of Translation / Eds. Chan Sin-wai, David E. Pollard. Hong Kong: Chinese University Press, 2001. 375 p.

Xu Jun. Réflexion sur les études des problèmes fondamentaux de la traduction // Meta. Journal des traducteurs. 1999. Vol. 44. N 1. P. 44—60.

Zhong Weihe. An Overview of Translation in China: Practice and Theory // Translation Journal [Электронный ресурс]. 2003. Режим доступа: <http://www.bokorlang.com/journal/24china.htm>

Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 1

У Пин,

доктор литературных наук, доцент Пекинского педагогического университета; e-mail: wuping2000@yahoo.com.cn

ПЕРЕВОД СТИХОВ И ПЕСЕН М.В. ИСАКОВСКОГО В КИТАЕ

Статья посвящена переводу стихов и песен М.В. Исаковского в Китае. Перевод произведений поэта начался ещё в 40 годах прошлого века, а Песня «Катюша» была распространена ещё раньше. Благодаря усилиям нескольких поколений переводчиков стихи поэта переиздавались на китайском языке. Теоретические работы Исаковского «О поэтическом мастерстве», «О поэтах, о стихах, о песнях» и «О секрете “поэзии”» имеют некоторое влияние на творчество стихов в Китае.

Ключевые слова: перевод, стихи и песня, Исаковский, литературная теория, «Катюша», метод творчества, избранные стихи, лирические стихотворение.

Wu Ping,

PhD in Literature, Associate Professor at Beijing Normal University, China; e-mail: wuping2000@yahoo.com.cn

Translations of M.V. Isakovsky's Poems and Songs in China

This paper mainly discusses the translation of M.V. Isakovsky's poems and songs in China. Isakovsky's works have been translated into Chinese since 1940s, and the song *Katyusha* spread even earlier in China. It is through several generations of translators' efforts that his poems and lyrics have been repeatedly published. His writings, especially *The Technique of Poetry*, *About the Poet*, *Poetry and Songs*, and *The Secret of Poetry*, still influence the composition of poems and songs in China.

Key words: translation, poems and songs, Isakovsky, literary theory, *Katyusha*, composition method, anthology of poetry, lyric poetry.

Имя Михаила Исаковского прежде всего связано с песнями, особенно с песней «Катюша». По словам А.И. Исаковской, «очень далеко светит и огонь поэзии Михаила Исаковского. Очень широко по нашей стране звучат, не умолкая, его душевные, проникнутые нежной любовью к Родине песни. А «Катюша» поётся и далеко за рубежом, на многих иностранных языках» [Исаковская, 1986, с. 121]. В Китае имя М. Исаковского может быть не всем известно, но мало кто не знает и не умеет петь песню на его слова «Катюша». Мы познакомились с его стихами именно через такие песни, как «Катюша», «Ой, цветёт калина...», «Огонёк» и др. Но первым познакомил нас с произведениями поэта М. Исаковского в Китае не кто иной, как уважаемый и выдающийся переводчик Гэ Баоцюань (1913—2000).

Гэ Баоцюань первым перевёл стихотворения М. Исаковского на китайский язык. До Освобождения (1949 год) в журнале «Выжива-

ние» за март 1946 года он опубликовал стихотворение «В родном краю»:

Тихо в поле, тихо в роще,
Солнце гаснет за рекой.
Не спеша проходит лётчик
По дорожке полевой.

Потом в журнале «В людях» за январь 1947 года Гэ Баоцюань опубликовал пять переводных лирических стихотворений: «Где ж вы, где ж вы, очи карие?», «Живёт у нас в посёлке...», «Девичья песня», «Лучше нету того цветку», «Пробилась зелень полевая...». Первые четыре стихотворения были написаны М. Исаковским в 1944 году, а последнее — в 1946 году. После этого Гэ Баоцюань опубликовал ещё шесть стихотворений М. Исаковского. Всем известно, что Гэ Баоцюань был выдающимся экспертом по иностранной литературе и переводчиком. После создания КНР он служил политическим советником и советником культуры при Китайском посольстве в СССР. В 1954 году он вернулся на Родину и начал работать заместителем секретаря в Ассоциации китайско-русской дружбы. А в 1957 году он перешёл на работу в Исследовательский институт социальных наук Китая и направил своё внимание и усилия на исследования русской и советской литературы.

После того как вышли «Избранные стихи Пушкина» и «Избранные произведения и статьи Горького», Гэ Баоцюань выпустил и третью книгу «Избранные стихи русских национальных писателей». В ней были собраны около 300 стихотворений 48 писателей. В том числе и 37 стихотворений Исаковского, написанных в период с 1914 по 1946 год: «Просьба солдата», «Весна», «Проводы», «Мать», «И кто его знает», «Катюша», «До свиданья, города и хаты» и другие знаменитые стихотворения.

В память о 40-летию Великой Октябрьской революции в журнале «Стихи» (1957 год. Порядковый номер 10) Гэ Баоцюань опубликовал статью «От великого Октября по сегодняшний день. — Избранные стихи 10 советских поэтов». В этом же номере было помещено выступление известного в Китае поэта Сяо Сань, который после пересказа краткой биографии поэта в заключении упоминает о том, что писатель Горький высоко оценил творчество Исаковского. Многие стихотворения, написанные поэтом, скромны и просты. Поэтому люди любят читать его стихи и любят петь его песни. Особенно китайский народ любит песню «Катюша».

С 1952 по 1983 год в Китае вышло всего четыре сборника стихов М. Исаковского. Одним из них являются «Избранные стихи Исаковского» (Пекин, народное издательство, 1952. Переводчик Хуан Яо Мянью). В книге было всего 41 стихотворение. В первой

части помещена биография М. Исаковского, что важно для знакомства с творчеством поэта. Хуан Яо Мянью (1903—1987) был известным писателем и литературным теоретиком старшего поколения. В 1929 году он служил в Коминтерне и жил в Москве. После освобождения Китая он работал профессором в Пекинском педагогическом университете. Одновременно работал заместителем секретаря Федерации китайской литературы и искусства.

Другие три сборника были переведены известным в Китае писателем и поэтом Лань Манью (1922—2002), по профессии военным. Он перевёл немало стихов М. Исаковского ещё при его жизни. Первая книга называется «Гимн миру». Первое издание было осуществлено в мае 1954 года. С 1954 по 1957 год книга была переиздана 8 раз общим тиражом 73 060 экз. Стихотворения переводились по книге «Избранные стихи Исаковского» (изд-во «Рабочий», 1952).

Вторая книга называется «Песня о Родине» (напечатана в августе 1958 года, тираж 15 000 экз.). Книга содержит 71 стихотворение поэта. Все эти стихи М. Исаковский написал с 1921 по 1953 год.

В 1983 году Лань Манью составил свою последнюю книгу «Избранные стихи Исаковского», получив поддержку друзей и коллег. Она была опубликована в издательстве «Цветной город» в провинции Гуаньдонь (тираж 13 900 экз.). В неё вошли стихотворения из книг «Гимн миру» и «Песня о Родине», а также новые переводы. По сравнению с вышеупомянутыми книгами эта книга более полная и более представительная.

Надо отметить, что в 1965 году, когда Лань Манью прибыл в Советский Союз как член делегации китайских писателей, ему очень хотелось посетить поэта Исаковского, находящегося уже в преклонном возрасте. Но, к сожалению, тогда М. Исаковский тяжело болел. Жаль, что желание переводчика так и не сбылось.

Вышеупомянутые сборники стихов включают в себя такие произведения, как «Катюша», «Про “Катюшу”», «Прощание», «Одинокая гармонь», «Под звездами балканскими», «Лучше нету того цвета», «Услышь меня, хорошая», «Огонёк», «Пшеница золотая», «И кто его знает», «Ой, цветет калина», «Каким ты был...». Поэзия М. Исаковского, по словам А.Т. Твардовского, «была и будет одним из самых безусловных, общепризнанных достижений нашей поэзии в полувековом пути её развития» [Твардовский, 1978, с. 62].

За последние полвека китайские русисты всесторонне изучили творчество поэта. В исследовательских работах, которые опубликованы в журналах, анализировались значение стихов и метод творчества М. Исаковского. Это, например, следующие работы: Удо Вэнь Кэ «Автор “Катюши”» // Журнал «Дружба между Китаем и Советским Союзом», 1960, №8 (это интервью к 60-летию со дня рождения поэта); «Михаил Исаковский» // «Русская и советская

литература», 1983, № 1; Сяо Синь «Уникальный искусственный замысел — “Летят перелётные птицы” Исаковского» // «Поэзия», 1983, № 3 (в данной работе автор всесторонне проанализировал творческий метод поэта, отметил его глубокий патриотизм); Лю Чэн «Лирическое стихотворение Исаковского» // «Филологический фронт», 1983, № 12 (автор углублённо исследует и анализирует творческий процесс и исторический фон поэзии Исаковского); Цэнь Фэн «Современный, национальный, художественный... — По страницам сборников Исаковского» // «Поэзия», 1985, № 7 (автор высоко и обобщённо оценил поэзию М. Исаковского, выразившую дух современности, национальности, и в то же время отличающуюся художественностью); Ван Най Чжо «Как песня, так и стихи.... — откровение «Катюши» Исаковского» // «Современная иностранная литература», 1987, № 2 (автор считает, что песня «Катюша», как и стихотворение, замечательна и прелестна. «Катюша» является не только стихотворением о любви, но и песней о Родине. Слова совпадают по пафосу с музыкой. Песня наполнена русским национальным колоритом. Она и является, по мнению автора статьи, вдохновляющим призывом); Ли Хуйшэн «“На высокий берег на крутой...” — В память о советском поэте Исаковском» // «Жэньминь жибо»: Международное приложение, 1 апреля 1990 года (в статье автор говорит о заслуженных успехах Исаковского в сфере поэзии); Лан Ин Нянь «Последние годы жизни Исаковского» // «Чтение книг», 1996, № 5 (автор рассказывает о неудачах и разочаровании в жизни Исаковского, особенно в его последнем произведении «Сказка о правде». Это стихотворение было написано в 1941 году, но опубликовано позже); Чэнь Сун Янь «Поэзия Исаковского» // «Русская литература и искусство», 2000, (дополн.) (статья посвящена художественным особенностям творчества Исаковского, анализу его поэтических взглядов, метрики, ритма и т.д.); Ван Шэн, Син Юй Минь «Пастораль жизни, сублимация любви — сравнение стихотворений о любви Исаковского и Вэнь Цзе» // «Вестник института Чи Фэн», 2006, № 6 (анализируя поэзии о любви Исаковского и Вэнь Цзе, исследователи отмечают разницу между китайским и русским восприятием в таких сферах, как выбор темы, вариантов выражения чувств); Ли Шэн Цюань «Выходила на берег Катюша». — Русский лирический поэт Исаковский» // «Культура мира», 2009, № 4 (в статье автор коротко изложил биографию автора, историю создания песни «Катюша»); Гао Ман «Нет, он не будет забыт» // «Культурная газета», 30 ноября 1999.

Кроме научных работ и статей в Китае в 1950-х годах XX века выпустили два сборника советских научных работ о М. Исаковском. Первый сборник — «О секрете “поэзии”» (Литературная газета 10 марта 1951 г.) был переведён Лэй Жань (1918—2009), издан

в издательстве «Новая литература и искусство». Шанхай, 1952). Второй сборник — «О поэтическом мастерстве» (М.: Советский писатель, 1953) перевёл Сунь Вэй (Пекин, издательство «Писатель», 1955). В последнюю книгу включены следующие главы: «О поэтическом таланте», «О поэтическом замысле, об идейности», «О “секрете” поэзии», «Письма начинающим поэтам» и другие. Эти работы пользуются большой популярностью и оказывают воздействие на китайскую литературу.

В ходе исследования выяснилось, что с 1951 года по сегодняшний день вышло более двадцати книг в серии «Избранные советские песни», в том числе песни на стихи М. Исаковского, которых насчитывается несколько десятков. Например, «Каким ты был...», «И кто его знает», «Одинокая гармонь», «Огонёк», «Прощание», «До свиданья, города и хаты», «Пшеница золотая», «Катюша», «Летят перелётные птицы», «Ой, цветёт калина», «Ой, туманы мои...», «Слушайте, товарищи...», «Шёл со службы пограничник...», «Мы с тобою не дружили...», «Вдоль деревни», «Про “Катюшу”» и т.д. Кроме книги песен, опубликованы и статьи М. Исаковского, связанные с творчеством: «О словах песни» и «Как писать слова песни» // «Музыка народов». 1955 (порядковый номер 28 и 30). В последней статье речь идёт о том, как создаются песни.

Песня тесно связана с жизнью китайского народа. Она является частью душевной жизни человека, хотя не каждый человек способен спеть песню, но любой человек любит слушать песню и наслаждаться ею. В Китае почти каждый хорошо знаком с песней «Катюша». Люди поют её на китайском языке как свою национальную песню, а русисты поют её на русском языке.

Стихи М. Исаковского 1940-х годов вошли в китайские учебники по истории русской литературы XX века. Первым переведённым учебником была «История советской литературы» под редакцией Л.И. Тимофеева (М.: Учпедгиз, 1945). Переведённая Шуй Фу, эта книга была напечатана до освобождения Китая, а именно в 1948 году (Шанхай: Изд-во «Ласточка», 1948). У нас в Китае почти в каждом учебнике по истории русской литературы XX века есть главы или разделы, посвящённые творчеству Исаковского.

Однако систематически и подробно знакомить читателя с творчеством Исаковского исследователи начали в 90-е годы XX века. В 1992 году в Китае была напечатана книга «История русской и советской литературы» в трёх томах (главный редактор Цао Цзин Хуа, издательство «Хэнаньское просвещение», Чжэнчжоу, 1993), которая была утверждена Министерством просвещения КНР как учебник по специальности «Русский язык» для вузов. Во втором томе отдельный раздел был посвящён Исаковскому. Здесь подробно рассказывается о его биографии и творческом пути, проанали-

зированы основные черты его творчества и был сделан вывод, что «он, как певец новой жизни, внёс выдающийся вклад в развитие советских стихов» [Цао Цзинхуа, 1993, с. 336].

В 2010 году автором данной статьи была написана книга «Стихи и песня — критико-биография М.В. Исаковского» к 110-й годовщине со дня рождения М. Исаковского [Пин, 2010] Это результат преподавания русского языка китайским студентам и исследования русской литературы на протяжении многих лет. Исаковскому автор статьи также обязана тем, что с ранних лет обучается бельканто. Песни на стихи Исаковского часто включаются автором статьи в концертные программы. Особенно нам нравится петь такие песни, как «Катюша», «Ой, цветёт калина» и «Каким ты был, таким остался».

Всемирную славу завоевала песня «Катюша», созданная незадолго до войны (1939). Во время Второй мировой войны песня «Катюша» стала гимном итальянских партизан, и сейчас она широко известна не только в России, но и за рубежом. Почему люди так любят петь эту песню Исаковского? Почему его песня вызывает у нас отклик? Секрет состоит в лиризме, скромности и простоте. Как говорил Исаковский: «Хорошая песня — я здесь имею в виду слова — должна обладать, по крайней мере, следующим качествами... слова песни должны быть простым, прозрачными, без всяких поэтических “красивостей”, без всякой поэтической бутафории, книжности» [Исаковский, 1982, с. 82].

Много рецензий на стихи Исаковского было написано М. Горьким, так что их библиография заняла бы несколько страниц. Об Исаковском А.М. Горький писал так: «Стихи у него простые, хорошие, очень волнуют своей искренностью» [см.: Твардовский, 1978, с. 56] Вот почему песни на стихи Исаковского пользуются большой популярностью среди массы народов.

По словам Е. Осетрова, «Народная лирическая песня всегда насыщена чувством. “Катюша” Исаковского предельно эмоциональна по ладу, стилю, сюжету, действию и настроению» [Осетров, 1979, с. 101]. А поэт В. Александров писал о нем: «Все его стихи проникнуты большим и глубоким личным чувством» [Александров, 1950, с. 3]. Все исследователи сходятся во мнении, что лирика Исаковского свидетельствует о цельности его душевного склада, о скромности и достоинстве.

Ещё стоит упомянуть, что уважаемый Гао Ман (род. в 1926 году), к счастью, встретился с поэтом Исаковским. Это было в 1955 году, когда он и Гэ Баоцюань по приглашению были в гостях у поэта А. Суркова. Там были также поэт Исаковский и композитор Блантер. Когда Исаковский узнал, что песня «Катюша» широко распространялась в Китае, он с волнением сказал, что, как хорошо,

если можно услышать своими ушами пение на китайском языке. Поэтому мы уверены, что если во всех странах поют «Катюшу», то Михаил Исаковский услышал и то, как китайцы поют эту его прославленную песню:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

[Исаковский, 1981, с. 277]

Список литературы

- Александров В. Михаил Исаковский. М., 1950.
Исаковская А.И. Воспоминания о М. Исаковском. М., 1986.
Исаковский М. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1982.
Исаковский М. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1981.
Осетров Е. Человек-песня. М., 1979.
Твардовский А. Поэзия Михаила Исаковского. М., 1978.
У Пин. Стихи и песня — критико-биография М.В. Исаковского. Шэньян: Ляонинский университет, 2010.
Цао Цзинхуа История русской и советской литературы: В 3 т. Чжэнчжоу: Хэнаньское просвещение, 1993.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

А.А. Чугунов,

студент V курса факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: art.305.chu@mail.ru

ОБОСНОВАННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЁМА ТРАНСКРИПЦИИ/ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ БАНКОВСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена анализу верности применения транскрипции/транслитерации при переводе терминов, относящихся к банковскому делу. Доминирующее влияние английского языка приводит к многочисленным заимствованиям англоязычной банковской терминологии, что зачастую нарушает целый ряд выдвигаемых к терминам требований. В целях сохранения упорядоченности отечественной банковской терминосистемы в статье предлагается алгоритм действий переводчика, работающего с банковской терминологией.

Ключевые слова: термины, банковское дело, транскрипция, транслитерация, заимствования.

Artem A. Chugunov,

5th year student at Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: art.305.chu@mail.ru

The validity of Transcription/Transliteration in Banking Terminology Translation

The article is an analysis of whether it is reasonable or not to use transcription/transliteration in banking terminology translation. The dominating influence of the English language results in numerous loanwords of English banking terms and in many cases such loanwords do not meet the existing requirements to terminology. In order to preserve the systematic character in Russian banking terminology, the article provides banking terminology translators with some helpful hints.

Key words: terms, banking, transcription, transliteration, loanwords.

Доминирующее лингвистическое влияние, которое оказывает английский язык в эпоху глобализации, особенно заметно в таких сферах, как политика, экономика, международные отношения. В данных сферах человеческой деятельности наблюдается активный процесс заимствования многочисленных англоязычных терминов. Зачастую это приводит к нарушению таких выдвигаемых к терминам требований, как отсутствие синонимии, предпочтение уже имеющимся терминам перед иностранными терминологическими единицами. Как следствие, во многих терминосистемах, включая и банковскую терминосистему, вместо упорядоченности мы видим хаотичность.

К транскрибированию терминов следует относиться весьма осторожно не только из-за того, что зачастую оно является неверным переводческим решением, но и ввиду сложности, связанной с произносительной вариантностью «э» и «е», которая присутствует при транскрибировании таких банковских терминов, как **brand, branding, back-office, ranking, buy-back, trend** и т.д. Например, если транскрибированный из английского языка термин brand пишется с буквой «е», то это даёт основание не в полной мере знакомому с правилами фонетики английского языка русскоязычному читателю прочитывать слово *бренд* побуквенно. Ведь довольно часто в русском языке буква «р» смягчается перед буквой «е», например в словах *результат, репутация, рельсы и т.д.* Так каков же алгоритм действий переводчика в случаях с терминами наподобие brand и ranking? Следовать привычке оставлять букву «е» авансом во всех случаях или же подсказывать читателю, когда надо произносить «э»? А.И. Кайдалова и И.К. Калинина отмечают, что выбор этих букв особенно труден в случаях с новыми заимствованиями, то есть при транскрибировании той или иной языковой лакуны или модного слова. По мнению данных русистов, переводчикам и работникам издательств следует подсказать читателю твёрдое произношение согласных за счёт выбора буквы «э», а не прибегать к употреблению буквы «е» во всех случаях¹.

В случаях, когда английский термин не имеет непосредственного эквивалента в языке оригинала, вместо транскрибирования используется приём описательного перевода (эксplikации). *«Эксplikация, или описательный перевод, — это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим её значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на ПЯ. Недостатком описательного перевода является его громоздкость и многословность. Поэтому наиболее успешно этот способ перевода применяется в тех случаях, где можно обойтись сравнительно кратким объяснением»* [Комиссаров, 1990, с. 185]. Данное определение наталкивает на мысль о том, что описательный перевод носит двойственный характер, так как подобный перевод может быть как компактным, так и громоздким. Компактный описательный перевод не перегружает текст и в ряде случаев является предпочтительнее транскрипции или транслитерации понятия языка оригинала, не имеющего эквивалента в переводящем языке: так, при переводе таких банковских терминов, как branding, spread, call center, можно воспользоваться краткой экспликацией: *создание торговой марки,*

¹ См.: Кайдалова А.И., Калинина И.К. Современная русская орфография. М.: Высшая школа, 1983.

размах колебаний цен, центр телефонного обслуживания. Использование же громоздкого описательного перевода говорит о том, что понятие ИЯ не просто отсутствует в ПЯ, но и не может быть органично эксплицировано, что нарушает такое требование к терминам, как краткость и даёт основание считать транскрибирование или калькирование термина ИЯ, который отсутствует в ПЯ, вполне логичным и даже необходимым. Так, например, совершенно излишне при переводе термина deposit использовать не *депозит*, а приводимое в «Новом англо-русском банковском и экономическом словаре» Б.Г. Фёдорова следующее разъяснение данного термина: «*денежные средства или ценные бумаги, отданные на хранение в финансово-кредитные, таможенные, судебные или административные учреждения*» [Фёдоров, 2000, с. 205]. Вышеприведенная словарная дефиниция наглядно демонстрирует минусы громоздкого описательного перевода в сравнении с применением приема транскрипции/транслитерации.

В ряде случаев применяется калькирование банковских терминов. «Калькирование — это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей — морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в ПЯ. Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной лексической единицы» [Комиссаров, 1990, 173]. В банковской терминологии присутствует широкий спектр калькированных из английского языка терминов, что отчетливо видно в данной таблице:

Исходный вариант	Калькированный термин
Soft dollars	Мягкие доллары
Problem bank	Проблемный банк
Balloon payment	Платёж «воздушный шар»

Как же охарактеризовать превращение англоязычных банковских терминов balloon payment в *платёж «воздушный шар»*, problem bank в *проблемный банк*, soft dollars в *мягкие доллары*? Надо сказать, что в целом ряде случаев калькирование терминов выглядит обоснованнее, чем применение приёма транскрипции или транслитерации, поскольку в результате транскрипции, транслитерации создаются тяжело воспринимаемые и даже не имеющие смысла (с точки зрения носителей русского языка, которые не владеют английским языком) в переводящем языке слова. Кроме того, при

калькировании также удается сохранить мотивированность терминов, т.е. причины их принадлежности к определённой терминологической системе.

Надо отметить, что обособленное развитие советской экономики в целом и банковского дела в частности привело к тому, что в русском языке не существует наименований для тех или иных предметов финансовой действительности. Так, термины наподобие **back-office**, **middle-office** и **front-office** являются языковыми лакунами, их экспликация была бы слишком длинной и соответственно нарушала бы такое выдвигаемое к терминам требование, как краткость и поэтому транскрибирование подобных терминов является оправданным.

В ряде случаев транскрибирование также оправдано, так как мы имеем дело с квазисинонимами. К числу подобных на первый взгляд сходных, но все же не полностью идентичных терминов можно отнести *leasing* и *аренда*. Дело в том, что в банковской и финансовой терминологии под *арендой* понимается «*договор о предоставлении имущества во временное пользование за определённую плату. В советском праве аренда равнозначна имущественному найму, способствующему наиболее полному использованию основных фондов социалистического хозяйства. В настоящее время в аренду сдаются в основном производственные, торговые, складские и другие помещения, жилые помещения в пригородных местах на летний период садам и т.п., а также свободные земельные участки в городах для организации на них временных открытых складов или возведения каких-либо временных построек и сооружений. Все эти виды аренды регламентируются соответствующим законодательством*» [Финансово-кредитный словарь, 1961, с. 75]. В то же время термин *leasing* наделен значительно более конкретным семантическим полем и означает «*средне- и долгосрочная аренда машин, оборудования, транспортных средств; машины обычно приобретаются специализированной лизинговой компанией и сдаются в аренду потребителю (финансовый лизинг); лизинг позволяет сохранять ликвидность (не нужно покупать оборудование) и ускоряет обновление оборудования*» [Фёдоров, 2000, с. 404].

Транскрибирование из английского языка в русский следует признать необоснованным в тех случаях, когда заимствуемому термину имеется непосредственный эквивалент в русском языке. В качестве примера можно привести неоправданность транскрибирования английского термина *brokerage*, который обозначает «*комиссионное вознаграждение, взимаемое брокером за выполнение поручения клиента*» [там же, с. 109]. В русском языке уже имеется термин *куртаж*, заимствованный от французского термина *courtage*, и он обозначает «*вознаграждение за посредничество, получаемое*

маклером при совершении сделок на бирже. Обычно исчисляется в промиллях к сумме заключенной сделки и устанавливается маклеру, как продавцом, так и покупателем. Ставки куртажа зависят от категорий ценных бумаг и товаров, а также от объема сделок. Размеры куртажа определяются уставами бирж или по соглашению между участниками биржевой сделки и маклером» [Финансово-кредитный словарь, 1961, с. 619]. Таким образом, при заимствовании в русский язык термина *брокеридж* мы порождаем ненужную терминологическую синонимию, что подрывает системный характер банковских терминов. Важно понимать, что в переводе могут быть «заимствования полезные и необходимые, заимствования допустимые, и заимствования ненужные, избыточные, затрудняющие понимание» [Фёдоров, 2002, с. 300]. Термины наподобие *брокеридж* и *банкинг* являются как раз избыточными и затрудняющими понимание заимствованиями. Говоря же о термине *куртаж*, надо отметить, что вначале произошедшее заимствование из французского языка вновь лишь подтверждает то, что долгое время в России доминировал именно этот европейский язык. Сегодня же доминирует английский язык, но мы не знаем, что будет завтра, и, если каждый раз будем заимствовать термин, которому имеется пусть и не исконно русский, но все же непосредственный эквивалент, то банковская терминологическая система станет хаотично наполняться многочисленными наименованиями для одних и тех же предметов и явлений окружающей действительности, что, разумеется, никак неоправданно.

Важно отметить, что при переводе неуместно в рамках одной лексической единицы одновременно использовать как приём транскрипции, так и сохранение графической формы в неизменном виде, так как в таком случае мы не только обременяем реципиента не совсем понятным транскрибированным термином, но и внедряем в текст и вовсе запутывающее иноязычное вкрапление (как в случае с термином *collection-скоринг*). Признается опасность образования от банковских терминов производных слов, так как во многих случаях заимствование самого термина является поспешным решением. Так, например, транскрибирование англоязычного банковского термина *cobrading* не является обоснованным, так как при переводе подобного термина можно воспользоваться компактным описательным переводом *объединение торговых марок*. Следовательно, образование такого прилагательного, как *кобрендинговый* есть не что иное, как замусоривание отечественной банковской терминосистемы. Тем не менее даже в тех случаях, когда транскрибирование является оправданным переводческим решением, к созданию новых производных слов следует относиться крайне внимательно, чтобы не порождать в русскоязычной бан-

ковской терминосистеме термины наподобие *скорить* (от английского термина *scoring*).

Приведённый алгоритм действий переводчика может помочь оптимизировать перевод английской банковской терминологии на русский язык. Благодаря данному алгоритму действий переводчик будет знать об уже существующих напрасных заимствованиях и, переводя новые банковские термины, он сможет уделять должное внимание таящимся при транскрибировании «ловушкам» и, следовательно, прибегать к данному приему перевода только в ряде особых случаев. Кроме того, теперь переводчики, работающие с англоязычной банковской терминологией, могут обратить свой взор и на фонетические сложности, возникающие в результате транскрипции/транслитерации, а именно на подробно описанную в настоящей статье произносительную вариантность «э» и «е» в русском языке. Уход от использования «е» поможет оптимизировать правильное произнесение русскоязычным реципиентом тех банковских терминов, заимствование которых в русский язык было необходимо. Безусловно, подобный алгоритм действий может помочь избежать дальнейшего подрыва системного характера отечественной банковской терминологической системы.

Список литературы

- Дьяченко В.П. Финансово-кредитный словарь. Т. 1 (А—Л). М.: Госфиниздат, 1961. 663 с.
- Кайдалова А.И., Калинина И.К. Современная русская орфография. М.: Высшая школа, 1983. 240 с.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: ООО «Издательский Дом “Филология три”», 2002. 416 с.
- Фёдоров Б.Г. Новый англо-русский банковский и экономический словарь. Пб.: Лимбус-Пресс, 2000. 848 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Ю.А. Богатикова,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: bogatikova@gmail.com

ПСЕВДОДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ПРИЁМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена применению научного стиля оформления художественного произведения как особого приёма создания эффекта правдоподобия, проблеме перевода и интерпретации художественного текста с документальными и псевдо-документальными фрагментами, вопросу определения границ текста с точки зрения автора, читателя, переводчика, издателя художественных текстов, содержащих такие вкрапления.

Ключевые слова: художественная литература, документальная литература, документально-художественная литература, художественный перевод.

Yulia.A. Bogatikova,

Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: bogatikova@gmail.com

Pseudo Non-fiction as a Form of Fiction

The article discusses typical forms of academic style (footnotes, commentary, index, etc.) as a specific device in contemporary fiction, used to create the effect of documented texts in order to make them look more realistic. Readers, translators, editors and researchers are not accustomed to take such texts as fiction, which leads to misinterpretation and violation of the authorial idea about the boundaries of the text.

Key words: fiction, non-fiction, documentary fiction, mockumentary, translation of fiction.

Понимание «реализма» в период «постмодернизма» в художественной литературе постоянно переосмысливается писателями, что порой остается незамеченным не только обычным читателем, но и профессиональным исследователем. Научно-исторический метод создания текста в содержательном и формальном смысле используется не только историками, литературоведами, но и самими писателями, в произведениях некоторых из них он переживает, как представляется, существенные трансформации.

Чтобы проиллюстрировать традиционную точку зрения на изображение истории/современности в литературе, рассмотрим классические произведения XIX века: Ч. Диккенса, «Очерки Боза» и

У. Теккерея «Четыре Георга». Оба писателя начали свой путь в литературу с жанра очерка, который предполагает наблюдения за фактами и их индивидуально-субъективную интерпретацию, а также обобщение, типизацию. При всех особенностях жанра очерка/эссе/репортажа, отмечается, что это всегда история характера или события [Глушков, 1979, с. 38]. Наряду с этим отмечена сходная тенденция в художественных произведениях, где «герой-свидетель», «персонаж-участник» реальных событий всегда воспринимается как образ, делающий художественное произведение более «достоверным», «реалистическим» [Розанова, 1979, с. 15].

Диккенс на материале собственных наблюдений (позиция очевидца) создает свои первые художественно-документальные произведения по принципу типизации образов и событий. Авторская позиция заявлена им в программе журнала «Домашнее чтение»/«Круглый год»: «...мы будем бережно лелеять тот огонёк фантазии, который обязательно теплится в любой человеческой груди, хотя у одних... он разгорается в яркое пламя вдохновения... они вовсе не обречены томиться под игом сухих и непреложных фактов... им доступны утешение и чары вдохновения... Слияние даров воображения с подлинными чертами жизни... необходимо для процветания всякого общества» [Аникст, 1957, с. 544]. Диккенс программно заявляет, что «дары воображения» есть существенная черта литературного творчества, даже если оно основывается на реальных фактах.

В «Очерках Боза» перед читателем предстаёт Англия, увиденная глазами очевидца, но образы здесь обобщены, типизированы, автор придаёт описываемым фактам этическую оценку. Это чётко обозначено в литературоведческом предисловии к произведению: «Стремясь охватить всю “правду жизни”, все жизненные факты в их сложных проявлениях, Диккенс обращался к различным художественным приёмам. Художник был полон решимости изобразить действительность “такой, как она есть”, но в то же время пытался приписать ей желательные для него закономерности» [Ивашева, 1957, с. 35].

У.М. Теккерей по-своему продолжает эту линию: «Мне нравится населять воображаемый мир былого его заурядными обитателями, и пусть это будут не герои, командующие великими сражениями или подымающие на новый бой разбитые батальоны; и не государственные мужи, составляющие законы или заговоры в тиши своих замкнутых кабинетов, а просто люди, со своими заботами, обязанностями и удовольствиями» [Теккерей, 1979].

Он предлагает концепцию «микроистории» [Ушакова, 2007, с. 9], который становится уделом художественной литературы, с её возможностями психологического анализа и художественной обработки образа.

При этом целью художественного описания для Теккерея становятся вовсе не события, которым он был очевидцем, как в случае с Диккенсом, а сочинения историков, в которых литератор призван найти ключевые индивидуальные моменты, характеризующие эпоху в целом. Сочетание реального факта, свидетельств очевидцев и его эстетической обработки дало нам литературу «критического реализма», безусловно, художественную, но призванную «отражать» действительность, общество, историю.

XX век с модернистской идеей более глубокого, «подлинного» постижения природы индивидуального, переживаемого изнутри, вносит свои коррективы. Так В. Вульф по-своему переосмысляет жанр биографии, традиционно считающийся документальным, в «Орландо», где главный герой проживает несколько веков и литературных эпох, меняя в ходе истории даже свой пол; а также в биографии, написанной с точки зрения собаки, «Флаш», в которой человеческая точка зрения вынесена в «Источники» и «Примечания» после основного текста [Вульф, 2000, с. 338—339].

Вопрос о факте/вымысле в текстах становится особенно остро, тогда как прежде установки на документальную подлинность не было [Местергази, 2007, с. 8] и факт носил лишь служебную функцию, являясь индивидуальной характеристикой, совокупность которых даёт «абсолютную ценность». Как отмечает Е.Г. Местергази, «в XX веке факт приобретает самостоятельное эстетическое значение», записанный житейский эпизод, по убеждению литераторов начала XX века, уже представляет собой художественное произведение [Местергази, 2007, с. 13—14]. При этом фактом действительности, подлежащим описанию в литературе, становится и то, что происходит собственно в творящем сознании, особое внимание привлечено не к социально-общественной значимости литературы, а к личности, создателю текста, творцу собственного мира.

Таким образом, ко второй половине XX века намечаются две четкие тенденции в художественной литературе: «литература факта» и «литература вымысла», которые отличаются тем, что интерпретируют «реалистичность изображения» как 1) соответствие и привязка литературы к объективно данной внешней реальности (в том числе всё, что может относиться к так называемым «субъективным источникам»: мемуары, воспоминания, биографии) и как 2) возможно более достоверное изображение того субъективно-интуитивного процесса, который происходит в сознании писателя в процессе порождения текста.

Одновременно с этим следует упомянуть и влияние способа чтения изданной книги на её интерпретацию. Формальная организация научного, исследовательского текста очевидно открыта

и включает в себя сноски, комментарии, списки литературы и др., что обеспечивает достоверность и верифицируемость излагаемой информации. В случае академического издания художественного произведения голос автора сопровождается голосом независимого исследователя, вынесенного на периферию текста в виде «маргинальных», т.е. подтекстовых или затекстовых высказываний. Таким образом, традиция академических изданий формирует стереотип чтения, при котором периферийные элементы текста в художественной литературе отведены инстанции редактора/исследователя/переводчика и призваны объективировать повествование, прояснять фрагменты текста, где реципиент по тем или иным причинам не может самостоятельно провести границу документальности/вымысла. В этом случае читатель верит в происходящее в вымышленном тексте (конвенция чтения художественной литературы), но *доверяет*, т.е. воспринимает как правду, периферийным элементам текста.

В художественной литературе XX века такой научно-документальный, исследовательский модус повествования и оформления текста стал полноценным художественным приёмом, который даже получил своё название — «псевдодокументальность», как особая форма литературной мистификации [Местергази, 2007, с. 41], другими словами, особая форма вымысла. Этот приём активно используют писатели, одновременно имеющие в своем активе научную и публицистическую деятельность, например уже упомянутая В. Вульф, а также Б. О'Нолан (Флэнн О'Брайен), В. Набоков, Т. Стоппард, П. Акройд, С. Кларк. В их произведениях, где так или иначе разрабатывается тема «воссоздания *подлинного* образа героя», регулярно используются периферийные элементы научного стиля (сноски, ссылки, источники и др.) в качестве особого способа создания эффекта правдоподобия, достоверности повествования. Таким способом в текст могут быть включены равноправная сюжетная линия, экстенсивные описательные фрагменты повествования, история событий с альтернативной точки зрения и другие. Вехи развития приёма научного стиля можно проследить в конкретных художественных произведениях.

Роман «Третий полицейский» Флэнна О'Брайена (один из псевдонимов Б. О'Нолана) создавался в течение десятилетия с 1939 года, но был опубликован лишь в 1967 году. Произведение имеет форму абсурдистского детективного триллера, однако, уже со второй главы в нем начинают встречаться фрагменты биографии некоего учёного Де Сельби, работы которого широко цитируются и комментируются в сносках, которые сначала создают иллюзию правдоподобия:

«Золотые часы», II, с. 261; «Сельский альбом», с. 1034 [О'Брайен (перевод М. Вассермана), 1999, с. 29], но затем перерастают в абсурдно-юмористические наукообразные рассуждения: «Не совсем ясно, знал ли де Селби о наличии — как считали древние и вслед за ними Мэтерс — цвета у ветров, но он выдвигает предположение («Гарсия», с. 12), что ночь приходит не в связи с вращением земли вокруг своей оси и соответственного её положения по отношению к солнцу (и во времена де Селби эта теория была весьма распространена и имела веские научные обоснования), а вызывается скоплением «чёрного воздуха», выбрасываемого в атмосферу вулканами в виде продукта их вулканической деятельности, но о том, что именно представляет собой этот «чёрный воздух», де Селби практически ничего не пишет (см. также с. 79 и с. 945 его «Деревенского альбома»). Весьма интересен комментарий Ле Фурнье («*Notte ou Dieu*»/«Человек или Бог», с. 137): «Никогда не удастся выяснить, в какой степени де Селби явился причиной Великой Войны (т.е. Первой мировой. — прим. пер.), однако, без сомнения, его крайне необычные теории — в частности, та, в которой утверждается, что ночь является не природным явлением, а неким особым, вредным для здоровья состоянием атмосферы, вызываемым развитием промышленности, в котором главную роль играют корысть, жадность и отсутствие какой бы то ни было заботы о людях и об окружающей среде, — могли иметь глубокое воздействие на массы» (в оригинале эта цитата приведена по-французски. — Прим. пер.) [О'Брайен (перевод А.Н. Панасьева)].

В случае данной цитаты из электронной версии книги следует особо отметить, каким образом примечания переводчика вносятся в авторский текст сноски. Схематически это можно изобразить так:

Основной текст О'Брайена →

→ Сноска О'Брайена, в ней же скобочная вымышленная ссылка →

→ скобочное примечание переводчика

→ Продолжение сноски О'Брайена, переход на французский язык

→ переводчик снимает разницу языков оригинала, но добавляет собственное примечание внутри сноски О'Брайена.

По сути, переводчик дописывает текст, добавляет ничем не обоснованное объяснение, которое отсутствует в оригинале и не может быть оправдано принципами адекватности перевода. Такое вмешательство в текст произведения чревато ещё и тем, что в сюжете романа присутствуют свои вымышленные комментаторы, т.е., вмешиваясь в текст, реальный переводчик ставит себя в положение персонажа этого абсурдно-юмористического произведения, что вряд

ли входит в его намерения. Он не только не поясняет текст, но сам попадает в расставленную автором ловушку, невольно добавляя в текст наглядный пример поведения плохого читателя.

Проблемы с границами такого текста возникают и при чтении электронной версии книги, в которой все постраничные авторские сноски вынесены в конец текста и не привязаны гиперссылками (разработчиками электронной версии) к соответствующим местам основного текста, хотя возможности гипертекстовой организации позволяют это сделать как в бумажной, так и в электронной книге.

Подобные же ловушки готовил читателю и В.В. Набоков в своих поздних англоязычных романах «Бледное пламя» и «Ада, или Радости страсти» [Набоков, 2000]. Относительно первого из них некоторые литературоведы до сих пор ведут спор, кто из персонажей — Шейд (персонаж-поэт) или Кинбот (персонаж-ученый комментатор) — более реален, а кто присутствует лишь в воображении другого. Спор, между тем, возник по причине того, что В.В. Набоков использовал для речевой характеристики Шейда объективную форму поэтического текста, а для речевой характеристики Кинбота — объективную форму научно-исследовательского текста. Обе формальные организации сюжета при этом подчинены и внутрислобны общей поэтике романа, являются частью художественного инструментария писателя.

Роман «Ада, или Радости страсти» содержит внутритекстовые вкрапления научного стиля, такие, как элементы учебного (лекция, вопросы, ответы), научного (философские рассуждения о пространстве-времени) дискурсов, а также написанный позже по просьбе издателей постраничный затекстовый комментарий Вивиан Даркблум (анаграмма имени автора), в котором переведены некоторые иноязычные вкрапления, даны пояснения, совершенно не вносящие ясности в текст произведения. Таким образом, Набоков в свою очередь открыто смеётся над искренним доверием читателей/издателей к периферийным элементам текста, изложенным в псевдодокументальной форме.

Т. Стоппард в пьесе «Индийская тушь» разрабатывает тему академических историко-литературных изданий и одновременно выводит на сцену вымышленную поэтессу начала XX века Флору Крю и её биографа конца XX века по имени Пайк, который в уме сочиняет текст научной биографии поэтессы, снабжая её своими комментариями. Поскольку текст пьесы предназначен для сценической постановки, элементы научного стиля встроены в устную речь персонажа-комментатора:

«Пайк (*радостно*). Примечания, примечания! Вся прелесть в примечаниях! Нельзя просто собрать письма Флоры Крю в книгу

и назвать её «Письма Флоры Крю». Мне даже кажется, что в моих краях это незаконно» [Стоппард, 2007, с. 11].

Затем реплики Флоры Крю прерываются «примечаниями» Пайка:

«Ф л о р а. ...десять лет назад, почти день в день.

П а й к. Точнее, девять. Смотри “Женщина, которая писала о том, что знала”, Э.К. Пайк, «Современное литературное обозрение», весна тысяча девятьсот семьдесят девятого» [Стоппард, 2007, с. 78].

В данном случае тема примечаний объективирует не сам текст пьесы, а «жизненность» персонажей, которые представлены в качестве типических фигур своего времени.

Этот же вопрос о правде и правдоподобию ставит в своем творчестве современный писатель П. Акройд, книги которого сейчас активно переводятся на русский язык. Его произведения — это работы литературоведа, историка литературы по образованию и писателя по роду деятельности. Его работы занимают весь спектр возможных жанрово-видовых¹ разновидностей от романа до научной биографии, что и составляет основную проблему для интерпретации его творчества в литературоведении.

Как показывает практика литературоведческих дискуссий, одно из наиболее противоречивых произведений Акройда — «Лондон: Биография» [Ackroyd, 2001]. Интересна как коммерческая судьба книги, так и ее литературоведческая оценка. Зарубежные исследователи однозначно относят это произведение к литературе нон-фикшн, цель которого воссоздать документальную картину жизни Лондона. Отечественные литературоведы относят книгу в раздел художественной литературы на основании того, что в отличие от историка литератор волен создавать «образ», т.е. выделять, подчёркивать и отобрать документальный материал в соответствии со своим субъективным представлением об объекте изображения/персонаже.

В книжных же магазинах биографию Лондона можно найти в разделах и художественной, и документальной литературы и даже в разделе «путеводители». Исследователь литературы нон-фикшн Д. Леман полагает, что чаще всего сам автор позиционирует свое произведение в разделе литературы факта или вымысла [Lehman, 1997].

Сам П. Акройд в предисловии пишет, что «подобная биография не может составить часть подлинной истории города. Соглашаюсь и признаю этот дефект... в городе сосуществует много различных

форм времени, и с моей стороны было бы глупо насиловать их характер ради того, чтобы создать традиционное повествование. Вот почему эта книга... образует лабиринт. ...Читателям этой книги придется блуждать в пространстве и воображении...» [Акройд, 2005, с. 22]. В оригинале предисловие начинается со слов «The image of London as body...» [Ackroyd, 2001, p. 1], характерно здесь упоминание слова «образ», поскольку создание «образа» — ключевая задача художественного творчества.

При всём многообразии терминологических определений исследователи признают, что документальная литература и non-fiction — это «художественная проза, исследующая исторические события и явления общественной жизни... использует художественный синтез, даёт эстетическую оценку изображаемых фактов» [ЛЭС, 1987], об этом же см. [Lehman, 1997; Hollowell, 1977].

То есть разница между художественной и документальной литературой, описывающей исторические события, в итоге сводится к тому, что в цепочке «автор-текст-читатель» появляется звено «референт», не отсылающее к внешней действительности и не требующее верификации в случае «литературы вымысла» и требующее отсылки к действительности и верификации в случае «литературы факта». Как отмечает Р.О. Якобсон, «главенствование поэтической функции над референтивной не уничтожает саму референцию, но делает ее неоднозначной. Двойному смыслу сообщения соответствует расщепленность адресанта и адресата и, кроме того, расщепленность референции... “это было и не было”» [Якобсон, 1975].

В частности же, «Лондон: Биография» — это работа, подобная очерку У.М. Теккерея «Четыре Георга», создана она на основе индивидуальных впечатлений автора о Лондоне (поскольку он житель этого города) и масштабного корпуса научных и художественных текстов о Лондоне, материал которых автор отбирает и располагает в том порядке, какой требуется для описания субъективного представления о выбранном объекте. Художественность создаваемого образа Лондона подчёркивает и тот факт, что наличие в произведении недостоверных с точки зрения науки данных о городе не может быть интерпретировано как недостаток, а понимается как авторское видение описываемого образа.

Наконец, самое новое по времени создания произведение — фантастический роман С. Кларка «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» (2004). Вымышленный характер произведения не вызывает сомнений, поскольку речь идёт о волшебниках в магической Англии, хотя и в реальной исторической эпохе Наполеоновских войн. Приём научно-исследовательского оформления текста используется с первой же страницы повествования, т.е. вынесен в сильную позицию текста, наряду с заглавиями и датами-исто-

¹ О проблеме жанра-вида в документальной литературе см. подробнее: *Местергази Е.Г.* Литература нон-фикшн / non-fiction. М., 2007. С. 8.

рическими маркерами: Глава 1 «Библиотека Хартфью. Осень 1806 — январь 1807» [Кларк, 2007, с. 9] Так, автор вписывает сюжет о волшебниках в канву реальной истории Европы, там же находим сноску: «Джонатан Стрендж. “История и практика английской магии”, том 1, глава 2. Изд-во Джона Меррея. Лондон, 1816» [Кларк, 2007, с. 9].

В данном случае сноска создает эффект псевдодокументальности повествования, основанного на вымышленных источниках, однако чуть далее находим авторскую сноску, поясняющую роль в повествовании герцога Портлендского, реального премьер-министра Великобритании в описываемый исторический момент:

«Герцог Портлендский, премьер-министр и первый лорд Казначейства в 1807—1809 гг.» [Кларк, 2007, с. 71].

Итак, в данном романе в сноски вынесены: вымышленные публикации, вымышленные данные о волшебниках, документальная информация о реальных исторических фигурах или объектах, фольклорные источники, переводные фрагменты, данные судебных хроник (вымышленные или достоверные — можно выяснить в библиотеках британского суда, но является ли это существенным для интерпретации романа?). Таким образом, автор при помощи периферийных элементов текста создает иллюзию реальности происходящего в историческом прошлом Англии.

Во всех описанных выше подобных случаях авторская повествовательная инстанция выполняет двойную функцию: обеспечивает не только вымышленную часть текста, но и «верифицирует» правдоподобность происходящего. Приём вписывает вымышленную часть текстов в реальную историю Ирландии, США, Великобритании и создает эффект «документированного» повествования. Это искусное преломление идеи «отражения реальности» можно признать одной из плодотворных форм создания современного художественного текста, которому читатель не только верит, но и доверяет.

В таких произведениях происходит процесс расширения формальных рамок художественной литературы, которая активно включает в свой арсенал приемы научного построения текста и выходит в сферу гипертекста, до этого целиком принадлежавшего сфере научного стиля. Полноправное функционирование этого приема еще не в полной мере осмыслено читателями, верящими в «учёную мысль», мифологический [Самохвалова, 2003, с. 148—204] образ «учёного-просветителя». Научно-историческое оформление, как приём создания псевдодокументального текста (опора на документальные факты, наличие ссылочного аппарата, лексико-стилистические средства научного стиля, цитаты, характерный синтаксис и др.) ставит в тупик многих критиков литературы, до этого

спокойно рассуждавших о понятии «интертекст». Ведь «интертекст» не обязательно должен быть только художественным и не обязательно в виде скрытых цитат и аллюзий [Фатеева, 2006]. И в начале XXI века намеренная маскировка вымышленности образа или текста в целом всё ещё может обмануть даже опытного читателя, привыкшего к тому, что литературный текст — линейен, а ссылки на издателя, переводчика, редактора — непреложная истина. Одновременно с этим остро встаёт вопрос о границах текста для переводчиков, литературоведов, которые, с одной стороны, не могут разрывать структуру такого текста и добавлять собственные комментарии (например, переводчик лишается возможности вносить примечание в сноску), а с другой стороны, для издателей, которые не видят необходимости менять сложившиеся традиции книгоиздания, и для создателей электронных версий книг, которые порой могут серьезно вмешиваться в обозначенные автором границы текста.

Список литературы

- Акройд П. Лондон: Биография. М., 2005.
- Аникст А. Диккенс-публицист // Диккенс Ч. Собр. соч. Т. 28. М., 1957.
- Вульф В. Флаш / Вульф В. На маяк. М., 2000.
- Глушков Н. Русский очерк и зарубежный эссе и репортаж // Розанова Л.А. О художественно-документальной литературе. Иваново, 1979.
- Ивашева В.В. Чарльз Диккенс // Диккенс Ч. Очерки Боза. Мадфогские записки. Собр. соч. Т. 1. М., 1957.
- Кларк С. Джонатан Стрендж и мистер Норрелл. М., 2007.
- Литературный энциклопедический словарь. М. 1987.
- Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн / non-fiction. М., 2007.
- Набоков В.В. Ада, или радости страсти / Набоков В.В. Собр. соч. американского периода в 5 т. Т. 4. СПб, 2000.
- Набоков В.В. Бледное пламя / Набоков В.В. Собр. соч. американского периода в 5 т. Т. 3. СПб, 2000.
- О’Брайен Ф. А где же третий? / Пер. А.Н. Панасьева. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/obrayen_flenn/a_gde_zhe_tretiy_tretiy_policeyskiy/read/
- О’Брайен Ф. Третий полицейский / Пер. М. Вассермана. М., 1999.
- Розанова Л.А. О художественно-документальной литературе. Иваново, 1979.
- Самохвалова В.И. Язык масскульта и современная мифология // Массовая культура и массовое искусство: «за» и «против». М., 2003. С. 148—204.
- Стоппард Т. Индийская тушь // Изобретение любви. СПб, 2007.
- Теккерей У.М. Четыре Георга [Эл. ресурс] // Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М., 1979. Режим доступа: http://lib.ru/INPROZ/TEKKEREJ/tekkerei11_2.txt
- Ушакова Е.В. Эволюция английской биографии творческой личности: от модернизма к постмодернизму. Глазов, 2007.

- Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2006.
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика [Эл. ресурс] / Структурализм: «за» и «против». М., 1975. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>
- Ackroyd P. London: The Biography. N.Y., 2001.
- Hollowell J. Fact & Fiction: The new Journalism and the Nonfiction Novel. Chapel Hill, 1977.
- Lehman D.W. Matters of fact. Columbus. Ohio, 1997.

Лю Ди,

аспирант кафедры русского языка Московского государственного педагогического университета; e-mail: llsh352@yandex.ru

ТРАНСПОЗИЦИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В АСПЕКТЕ ИХ ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

В данной статье рассматривается проблема транспозиции деепричастий в аспекте их перевода на китайский язык. В процессе анализа транспозитов выявляются их грамматические свойства, которые должны быть учтены при трансляции. В статье последовательно разграничиваются средства китайского языка, используемые для перевода деепричастий и их транспозитов.

Ключевые слова: транспозиция деепричастия, наречие, предлог, союз, вводный элемент, перевод, китайский язык, описание процесса перевода.

Di Liu,

Postgraduate student at the Department of the Russian language, Moscow State Pedagogical University, Russia; e-mail: llsh352@yandex.ru

Transposition of Russian Adverbial Participles in Terms of their Translation into Chinese

The article is a research into the issue of transposing Russian adverbial participles in the process of translating them into Chinese. In analyzing such transpositions, the author reveals their grammatical properties, which must be taken into consideration in translation, and differentiates the Chinese language means used to translate Russian adverbial participles and their transpositions.

Key words: transposition of Russian adverbial participles, adverb, preposition, union, parenthetic element, translation, Chinese, description of translation process.

Деепричастие относится к грамматическим формам, наиболее востребованным в современной русской речи. В то же время, будучи чрезвычайно сложным в морфологическом отношении феноменом, оно традиционно вызывает трудности при переводе его на китайский язык в силу того, что:

- 1) обладает целым рядом грамматических и прагматических особенностей;
- 2) в языке перевода не существует единой категории, соответствующей этому классу слов;
- 3) возможен переход деепричастий в другие части речи и грамматические конструкции (вводные элементы), что приводит к необходимости разграничения деепричастий и внешне сходных с ними явлений. Иными словами, не все единицы, обладающие формальными показателями деепричастия, принадлежат к этому грамматическому классу.

тическому классу. В русском языке деепричастие обнаруживает тенденцию к транспозиции в разряд наречий, союзов, предлогов и вводных элементов. Поскольку транспозиция должна учитываться переводчиками при передаче этой категории единиц средствами китайского языка, она выбрана главным объектом наблюдений в данной статье.

Термин *транспозиция* характеризуется интердисциплинарностью: он используется в разных науках — в литературоведении, в музыке, в электротехнике, в медицине и др., а в лингвистике под транспозицией в узком смысле понимается «функциональная транспозиция, — перевод слова (или основы слова) из одной части речи в другую или его употребление в функции другой части речи. Различаются два этапа этого процесса: 1) неполная, или синтаксическая, транспозиция, при которой изменяется лишь синтаксическая функция исходной единицы без изменения ее принадлежности к части речи; 2) полная, или морфологическая, транспозиция, при которой образуется слово новой части речи» [Аксенова]. Транспозиция встречается в разных частях речи и в зависимости от типа перехода определяется как адвербиализация, адъективация, субстантивация и др.

Транспозиция деепричастий бывает следующих видов.

1. Адвербиализация

Адвербиализацией называется переход деепричастия в наречие. В этом случае у деепричастия ослабляется или утрачивается значение дополнительного действия и усиливаются наречные признаки [Чигирь, 2010, с. 86]. Вследствие адвербиализации деепричастие приобретает значение образа/способа действия, которое раскрывается в процессе взаимодействия с глаголом-сказуемым и не обособляется в предложении. На сегодняшний день список адвербиализованных деепричастий имеет размытые границы. Л.И. Чигирь, автор монографии «Переход одной части речи в другую: Некоторые вопросы правописания» (2010) представляет лексемы *лёжа, молча, не спеша, погода, шутя, стоя, сидя, нехотя, немедля* как наречия, в которые переходят деепричастия [там же, с. 87]. Однако их перечень до конца не определён и может оказаться значительно шире. Другая точка зрения представлена в «Грамматике — 80», где говорится, что хотя слова типа *лёжа* (в лежачем положении), *шутя* (в шутку, ради забавы) приобретают наречные значения, это не выводит их за пределы глагольных форм. Для уточнения статуса адвербиализованных деепричастий рассмотрим, как они представ-

лены в основных толковых словарях¹. Знак «√» в таблице обозначает, что словоформа в словаре определяется как наречие и выносится в самостоятельную словарную статью, а знак «—» — наоборот.

Словарь \ Словоформа	ТСД	ТСУ	ТСО	БАС	МАС
лежа	—	—	—	√	√
молча	—	√	√	—	√
немедля	—	√	√	√	√
нехотя	√	√	√	√	√
погода	—	—	—	—	—
сидя	—	—	—	—	√
(не) спеша	—	—	—	—	—
стоя	—	√	√	√	√
шутя	—	√	√	√	√

Таблица свидетельствует о том, что в словарях квалификация адвербиализованных деепричастий производится непоследовательно, хотя в большинстве случаев они характеризуются как наречия.

Надо заметить, что в словарях «ТСУ» и «МАС» значения таких слов, выделенных в самостоятельный ЛСВ, толкуются по определенной модели: на первом месте помещается ЛСВ, который грамматически характеризуется как деепричастие (1) *деепричастие от (глагола)...*; на втором месте располагается производный ЛСВ, которому придаётся наречный статус (2) *наречие...*. Это свидетельствует о том, что при определении морфологической принадлежности таких слов следует учитывать контекст. Например: *Так я думал, лёжа (деепр.) на берегу горной реки...* (К. Паустовский) (= «находясь

¹ Название словарей в таблице обозначаются сокращенно:

ТСД: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.

ТСУ: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935—1940.

ТСО: *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М., 2011.

БАС: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. А.М. Бабкина, С.Г. Бархударова, Ф.П. Филина и др. М.; Л., 1948-1965.

МАС: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. испр. и доп. М., 1981—1984.

всем телом на чем-то в горизонтальном положении») *Сначала Мишка снимал лёжа (наречие)... потом, обнаглев, вылез во весь рост* (К. Симонов) («в лежачем положении»). Как можно заметить, контекст позволяет разграничить деепричастие и его наречный транспозит.

Рассмотрим, какие варианты перевода таких слов предлагаются в русско-китайских словарях. В «Большом русско-китайском словаре» (Пекин, 2001) большинство адвербиализованных деепричастий квалифицированы как наречия:

Лежа — 躺着 (лежать + «着»²³ (видо-временное вспомогательное слово));

Молча — 不作声地 (не звучать + «地»⁴ (структурное вспомогательное слово)), 默默地 (как безмолвно + «地»); 默然地 (как безмолвно + «地»), 逆来顺受地 (как безропотно терпеть что + «地»), 忍气吞声地 (фразеол. похож на проглотить пилюлю + «地»);

Шутя — 很容易地 (очень легко + «地»), 毫不费力地 (не тратить никакой силы + «地»), 随便地 (свободно + «地»); 开玩笑地 (шутить + «地»), 闹着玩地 (как шутить + «地»), 寻开心地 (развлекаться + «地»);

Стоя — 立着 (стоять + «着»), 站着 (стоять + «着»);

Нехотя — 不乐意地 (как неохотно + «地»), 勉强 (地) (как нехотя («地»)); 无意中 (как ненамеренно), 非故意地 (как неумышленно + «地»), 不由得 (как невольно), 禁不住地 (не удержаться + «地»);

Немедля — 马上 (как сразу), 立即 (как тотчас) [大俄汉词典, 2001].

Изучая общие закономерности таких переводов, мы пришли к выводу, что существуют следующие типы перевода:

1) «глагол + видо-временное вспомогательное слово “着”», так переводятся адвербиализованные деепричастия, имеющие кон-

² Относительно таких слов у китайских учёных существуют разные мнения, одни считают их одной из служебных частей речи (самостоятельной частью речи) — вспомогательными словами, другие, в том числе и русские китаисты, — грамматическими словами (суффиксами). Мы разделяем точку зрения, представленную в вузовских учебниках, и используем родовую номинацию «вспомогательные слова», в то же время при цитировании применяем видовое обозначение суффикс или родовое — морфема.

³ Видо-временные слова — ряд из вспомогательных слов в китайской лингвистике, они характеризуют действие или состояние в процессе его изменения. Одним из таких слов является «着», оно имеет несколько значений, среди них одно используется для обозначения продолжения состояния [现代汉语词典, 2002, с. 1996]. Это значение передается не только тогда, когда глагол-сказуемое образуется с помощью морфемы «着», но и в конструкциях, построенных по модели «(глагол + 着) + глагол», где «着» играет важную роль — «суффикс глагола, указывающего на действие (состояние), сопутствующее (одновременное) действию, обозначаемому последующим сказуемым» [Большой китайско-русский словарь, 1983, т. 2, с. 620].

⁴ Суффикс «地», являясь структурным вспомогательным элементом, придает находящемуся в препозиции члену предложения обстоятельство значение [现代汉语词典, 2002, с. 262].

кретную семантику, как *лежа, стоя*, например: *читать лежа* 躺着看书. *Лошадь стоя спит.* 马站着睡;

2) «наречие, глагол (глагольное словосочетание) + структурное вспомогательное слово “地”», так переводятся адвербиализованные деепричастия с менее конкретной семантикой, например: *нехотя делать что-н.勉强地做... Он сделал это шутя, за полчаса.* 他毫不费劲地用半个钟头就做完了这件事.

3) Наречие (без вспомогательных элементов), так переводятся адвербиализованные деепричастия с отвлеченной семантикой, например: *ответить немедля* 立即回答.

Таким образом, несмотря на отсутствие единого мнения о статусе русских адвербиализованных деепричастий, они переводятся на китайский язык с помощью обстоятельств, в состав которых входят глагольные компоненты.

Некоторые фразеологические обороты также включают в себя адвербиализованные деепричастия. Учёные квалифицируют такие устойчивые выражения как эквиваленты наречий, например: *жить припеваючи* (жить хорошо и весело), *бежать высунув язык* (бежать очень быстро, едва переводя дыхание), *слушать раскрыв рот* (удивлённо), *сидеть сложа руки* (ничего не делая), *провести ночь не смыкая глаз* (без сна), *скрепя сердце* (с большой неохотой), *сломя голову броситься (куда)* (очень быстро), *работать спустя рукава* (кое-как, небрежно) и т.п. Учитывая, что вопрос их перевода обычно рассматривается в рамках трансляции идиом, в этой статье мы не обсуждаем эту проблему.

2. Препозиционализация

Переход деепричастий в предлоги называется *препозиционализацией*, или *препозитивацией*. В результате транспозиции этой разновидности деепричастие утрачивает характерные грамматические признаки и синтаксические функции, а взамен приобретает свойства, присущие предлогу, части речи, которая в сочетании с косвенными падежами существительных выражает различные отношения между формами имени и другими словами в предложении. Производными предлогами считаются *благодаря, включая, глядя на, исключая, исходя из, невзирая на, смотря по, судя по, спустя* и т.п. Например: *Она не может развязаться с ним благодаря матери* (Б. Пастернак). В этом предложении предлог *благодаря* утратил грамматические свойства деепричастия, лишился лексического значения и синтаксической функции, свойственных деепричастию; в сочетании с существительными *мать* он выражает причинные отношения («по причине») между словами, входящими в словосочетание.

Что касается перевода таких слов, он менее сложен, чем перевод наречий. Дело в том, что предлог русского языка имеет в китайском языке соответствие — «цзе цы». «*Цзе цы*» — один из родов служебных слов в китайском языке, семантика и функция которого достаточно близка к предлогу русского языка, что отражено в лексикографических источниках, например в «Большом китайско-русском словаре» (И.М. Ошинин, 1983) понятию «цзе цы» дается следующее толкование: «грам. предлог» [Большой китайско-русский словарь, 1983, т. 2, с. 953], в «Грамматике современного китайского языка» [Иванов, Поливанов, 2007, с. 95—100] и «Практической грамматике современного китайского языка» [Готлиб, 2007, с. 135—144] эта категория квалифицируется как предлог», в «Сопоставительной грамматике русского и китайского языков» [Чжао Юньпин, 2003, с. 137—141] и «Сопоставительном исследовании русского и китайского языков и переводческом анализе» [陈洁, 2006, с. 81—85] русский предлог сравнивается с китайским цзе цы в целях выбора адекватных средств перевода. В самом деле эти два класса слов в высшей степени эквивалентны, формальное различие в терминах наблюдается потому, что китайские русисты для перевода русского термина «предлог» используют термин «цзянь чжи цы», который состоит из морфем «передний (пред-)», «позиция», «слово», дающих в результате смысл «препозитивное слово».

По нашим наблюдениям, большинство предлогов русского языка могут быть легко переведены с помощью китайских «цзе цы», в этом случае есть основание считать их оптимальным средством для перевода предлогов, образованных от деепричастий.

Действительно, в словарях представлены многочисленные примеры такого решения проблемы. Посмотрим: «смотря по чему <...> 根据, 要看, 视... .. (而定), 取决于 <...> **Смотря по температуре мы одеваемся.** 我们根据气温变化穿衣服。» [最新常用俄语固定组合词典, 2006, с. 391]; «**благодаря** <...> 多亏, 由于 <...> **Выздоровел** благодаря **заботам врачей.** 多亏医生的照顾 (他) 才恢复了健康» [现代俄汉双解词典词典, 1992, с. 45].

Хотя русские предлоги и «цзе цы» в значительной степени похожи друг на друга, между ними существуют некоторые различия: например, некоторые русские предлоги тождественны по значению китайским союзам, а не с «цзе цы». Так, деепричастный транспозит «несмотря на (что)» считается составным предлогом, если входит в состав простого предложения, но в русско-китайском словаре он переводится союзом, эквивалентным русскому «хотя», например: «**Пошел** несмотря на **усталость.** 虽然累, 还是去了» [现代俄汉双解词典词典, 1992, с. 534]. Таким образом, при переводе предлогов, образованных от деепричастий, предпринимаются трансформации части речи в соответствии с нормами китайского языка: пе-

ревод таких слов осуществляется с опорой в основном на «цзе цы», а иногда на союзы китайского языка.

3. Конъюнкционализация

Конъюнкционализация — переход слов различных частей речи в союзы. Это грамматическое явление характерно и для некоторых деепричастий, например: *хотя, несмотря на то что, невзирая на то что, благодаря тому что.* В этом случае деепричастие перестаёт выполнять функции второстепенного сказуемого, утрачивая связь с субъектом действия и становится средством связи главной части сложноподчиненного предложения с придаточной. В то же время подчинительные союзы, образованные от деепричастий, сохраняют ряд семантических составляющих производящего слова. Учитывая, что, в целом, в китайском языке существуют союзы, сходные с русскими союзами [陈洁, 2006, с. 158—160], мы предлагаем переводить такие русские слова китайскими союзами. Приведём примеры: *Хотя и согласился, но остался недоволен.* 虽说有点懒, 不过学的还不错 [现代俄汉双解词典词典, 1992, с. 1170] *Работа кипела, несмотря на то, что уже наступила ночь.* 尽管夜幕已经降临, 但工作仍然干得热火朝天 [最新常用俄语固定组合词典, 2006, с. 289] *Благодаря тому, что Таня помогала ему, он сумел сдать экзамен.* 多亏丹娘的帮助, 他才得以通过考试 [最新常用俄语固定组合词典, 2006, с. 18] Хотя русские сложные союзные предложения допустимо переводить китайскими бессоюзными, по нашим наблюдениям, в том случае, когда средством связи служит союз, произведённый от деепричастия, для трансляции обычно используются ССП. Это объясняется тем, что семантика союзов, образованных от деепричастий, чрезвычайно важна для понимания всего предложения в целом. В этом случае в переводе не рекомендуется использовать бессоюзные сложные предложения.

4. Переход деепричастий во вводные компоненты и их перевод

Помимо перечисленных случаев морфологической транспозиции русское деепричастие способно функционировать в составе вводных компонентов, где также претерпевает семантические и грамматические изменения. Деепричастия в составе вводных конструкций фразеологизируются; это проявляется в том, что вводная конструкция с элементами деепричастного происхождения утрачивает синтаксическую связь с субъектом предложения, а значение самого деепричастного транспозита не определяется семантикой контекста. Л.И. Пирогова называет такие средства «клишированные деепричастные обороты, служащие самокомментированию» [Панова, 2010, с. 348]. Они часто появляются в деловой, научной и публицистической сферах речи и бывают следующих типов:

1) определяют место данного высказывания в структуре текста: *подводя итоги, обобщая сказанное, забега вперёд* и под., например: **Обобщая сказанное**, можно констатировать, что в формировании нового стандарта заинтересованы все стороны рынка, они же должны финансировать его создание⁵;

2) определяют степень детализации описания чего-либо: *не вдаваясь, не вникая в детали, не останавливаясь на подробностях* и под., например: Не вдаваясь в подробности, отметим следующие моменты⁶;

3) оценивают речевые средства высказывания: *образно говоря, грубо говоря, мягко выражаясь* и под., например: Оно определяется на основе того, в каком из двух языков слово является, образно говоря, инородным телом и в каком — естественным⁷.

В китайском языке, как и в русском, есть «вводные компоненты», что помогает решить проблему перевода вводных структур с компонентами-деепричастиями. В «Сопоставительной грамматике русского и китайского языков», в параграфе «Предложения с вводными конструкциями» [Чжао Юньпин, 2003, с. 306—310] представлены основные сведения о вводных компонентах обоих языков и отмечено, что по семантике типы китайских вводных компонентов сходны с русскими. В этом случае мы предлагаем переводить вводные конструкции с деепричастными элементами с опорой на систему китайских вводных единиц.

Этот принцип используется при переводе рассматриваемых конструкций в китайско-русских словарях: *综括一句 обобщая в нескольких словах* [Большой китайско-русский словарь, 1983, т. 4, с. 791], *总之 резюмируя* [Большой китайско-русский словарь, 1983, т. 4: 874], *总说起来 подытоживая вышеизложенное* [Большой китайско-русский словарь, 1983, т. 4, с. 875], *综上所述 резюмируя все вышеизложенное* [汉俄词典, 1989, с. 1229]. В ряде случаев вводные конструкции толкуются в самостоятельных словарных статьях: «Честно говоря <...> 老实说, 说实话, 说真的 <...> **Честно говоря**, мне не очень хочется туда ехать. 老实说, 我不太想去那里» [最新常用俄语固定组合同典, 2006, с. 454] «Иначе говоря <...> 换句话说, 换言之, 也就是说 <...> — **Что вы знаете о ядерном оружии?** — То, что знает большинство из нас. — **Иначе говоря** — не так уж много. «关于核武器的情况您知道什么吗?» «我知道的, 我们大部分人都知道 «换句话说, 您知道的并不是那么多» [最新常用俄语固定组合同典, 2006, с. 170].

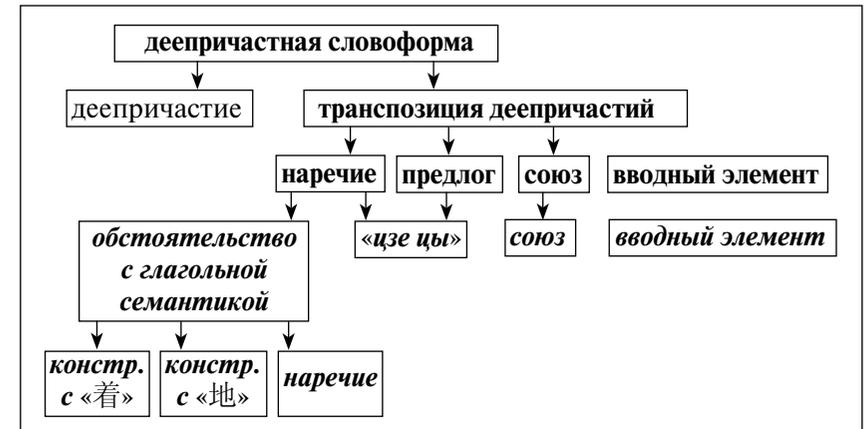
⁵ Предложение взято из сайта «Национальный корпус русского языка» (<http://www.ruscorgo.ru>) (дата обращения: 27.10.2011).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Итак, русские вводные конструкции с деепричастиями могут переводиться соответствующими вводными структурами китайского языка.

Таким образом, закономерности перевода транспозитов русского деепричастия на китайский язык могут быть отражены в следующей таблице:

Список литературы

- Аксёнова О.А. Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта. [Электронный ресурс] URL:<http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/Aksenova3.html> (дата обращения: 27.10.2011).
- Готлиб О.М. Практическая грамматика современного китайского языка. М.: Восток—Запад, 2007. 287 с.
- Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. М.: ЛКИ, 2007. 302 «с.»
- Ошинин И.М. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. Т. 2, 4. М.: Наука, 1983. 1102 с., 1062 с.
- Панова Г.И. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. М.: КомКнига, 2010. 448 с.
- Чжао Юньпин. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков. М.: Прогресс, 2003. 455 с.
- Чигирь Л.И. Переход одной части речи в другую: Некоторые вопросы правописания. М.: книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 127 с.
- 陈洁等, 俄汉语言对比与翻译, 上海, 上海外语教育出版社, 2006.
- 龚人放等, 俄汉文学翻译词典, 北京, 商务印书馆, 2002.
- 黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究所编, 大俄汉词典 (修订版), 北京, 商务印书馆, 2001.
- 康兆安等, 最新常用俄语固定组合同典, 上海, 上海译文出版社, 2006.
- 上海外国语学院 «汉俄词典» 编写组编, 汉俄词典, 北京, 商务印书馆, 1989.
- 现代俄汉双解词典编写组编, 现代俄汉双解词典词典, 北京, 外语教学与研究出版社, 1992.
- 中国社会科学院语言研究所词典编撰室编, 现代汉语词典, 2002. 年增补本, 北京, 商务印书馆, 2002.

РЕЦЕНЗИИ

В.Г. Кульпина, В.А. Татарин

О СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПОЛЬСКОЙ КОГНИТИВНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

Рецензию на книгу Ежи Бартмиńskiego «Аспекты когнитивной этнолингвистики»¹ начнём с изложения основных идей, содержащихся в предисловии от издателя Йорга Цинкена — «Люблинская этнолингвистическая школа и англо-американская когнитивная лингвистика». Оно составляет первый раздел книги и имеет самостоятельную ценность, в нем излагается кредо Люблинской лингвистической школы, описываются пути, пройденные ею и её создателем и вдохновителем Ежи Бартмиńским. Обращаясь к хронологии, Й. Цинкен указывает, что Люблинская школа насчитывает несколько десятилетий, а её создание связано с этнолингвокогнитивным подходом к изучению языка в контексте культуры. Труды этой школы имеют широкое хождение в международном гуманитарном дискурсе, прежде всего Восточной Европы. Среди этих трудов вклад лично Е. Бартмиńskiego составляет более 400 публикаций. Книга Е. Бартмиńskiego является ключевой для этнолингвистического направления, но англоязычный читатель видит её впервые. Книга имеет прочное базирование в заархивированных данных народной лингвокультуры: разговорных текстах о жизни и работе, песнях, сказках, пословицах, поговорках, народной поэзии, опросах сельских жителей. Работа по изучению разнообразных проявлений народного языка превратилась со временем в амбициозный проект по реконструкции языковой картины мира польского села в публикуемом в препринтах с 1996 года «Словаре народных символов и стереотипов»².

Другим средоточием исследовательского интереса Люблинской школы стало изучение аксиокультурно релевантных понятий типа *ответственность, толерантность, правда, свобода, равенство, солидарность, семья, народ* и других идеологических концептов, эволюционировавших в результате социолингвистических трансфор-

маций в восточноевропейском регионе. Крупным проектом было сопоставление стереотипов *родины* на двенадцати европейских языках. Обе очерченные области исследований связаны с наблюдениями за тесной связью языка и культуры, что и является главной целью исследований Е. Бартмиńskiego — воссоздать языковую картину мира польских сельских жителей, студентов, детей, носителей разговорного языка — через описание стереотипов с учётом социокультурной компетенции говорящего. Стереотипные суждения предстают в виде когнитивных дефиниций, служащих реконструкции лингвистически релевантной картины мира идеализированного субъекта, его точки зрения и перспективы (понимаемой как метафорическое обозначение социальной среды субъекта). Понятие *профилирования* впервые появляется у Е. Бартмиńskiego в его «Словаре народных языковых стереотипов» в 1980 году³. *Профиль* является особой конфигурацией лингвистически релевантных суждений, типичной не для индивидуального, но идеализированного субъекта, члена особой социокультурной группы. Дифференциация концептуальных профилей выделяется как важный инструмент антропологических исследований.

Й. Цинкен полагает, что полезно сопоставить основы этнолингвистики с англо-американской когнитивной лингвистикой, сосредоточенной на теоретических проблемах, и выявить между ними сопряжённости, особенно в сфере лексической семантики и концептуализации. Поскольку Люблинская этнолингвистическая школа развивалась своими путями — на базе фольклористики, диалектологии и этнографии, в обеих школах по-разному расставляются акценты. Понимание профилирования хотя и близко к таковому у Р.У. Лангакера, оно имеет определенные отличия: у Р.У. Лангакера в центр внимания выдвигаются универсальные семантические процессы, а Е. Бартмиński делает упор на реконструкции специфической социокультурной среды. Й. Цинкен прослеживает связь этнолингвистики Люблинской школы с европейским структурализмом, с семиотикой В.В. Иванова и В.Н. Топорова, с этнолингвистикой Н.И. Толстого, лексикографией Ю.Д. Апресяна и более всего — с когнитивной лингвистикой А. Вежицкой. Он считает обмен академическими традициями нелегким делом — важно, чтобы различия не преграждали путь к взаимопониманию.

Исследование Е. Бартмиńskiego, представленное в 16 главах и завершающееся послесловием, открывается главой «Что такое когнитивная этнолингвистика». Радует, что Е. Бартмиński обращается к истокам этого направления (и дисциплины), подчеркивая

¹ *Jerzy Bartmiński. Aspects of Cognitive Ethnolinguistics* / Ed. by Jörg Zinken; Introductory material Jörg Zinken. London: Equinox, 2009. 250 p.

² *Słownik stereotypów i symboli ludowych. Koncepcja całości i red. Jerzy Bartmiński. Z-ca red. Stanisława Niebrzegowska. T. 1. Kosmos: ziemia, woda, podziemie. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. 481 s.*

³ *Słownik ludowych stereotypów językowych. Zesz. próbny / Przygotował zesp. pod kier. nauk. Jerzego Bartmińskiego. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1980. 275 s.*

его европейские корни, восходящие прежде всего к немецкой школе. Последние десятилетия XX века продемонстрировали второе рождение этнолингвистики в Восточной и Центральной Европе. Э. Сепир и Б.Л. Уорф рассматривали язык как культурный феномен, чему сопутствовала критика структуралистского мышления, изымавшего язык из психо- и социокультурного контекста. Е. Бартминьски же подчёркивает глубокую погружённость культуры в языковую стихию.

Много внимания автор уделяет понятийно-терминологическим проблемам. Е. Бартминьски указывает, что термины *антропологическая лингвистика* и *антропо-культурологическая семантика* иногда выступают как взаимозаменяемые с термином *этнолингвистика* — так Е. Бартминьски назвал разрабатываемое им направление в связи с длительной традицией применения термина, зародившегося в англоязычном мире для обозначения американского английского и получившего широкое международное хождение. В греческом элементе *этно-* заложена в том числе и широкая трактовка термина, которую Е. Бартминьски связывает с человеком, народом, обществом, культурой, социальной группой, говорящим сообществом как коллективным субъектом языка; от него можно образовать дериваты типа *этнолингвистический*, *этнолингвист*.

Понятие *языковой картины мира* Е. Бартминьски стремится описать с точки зрения способов его операционализации. Он обращается к истокам понимания роли языка в познании мира, подчеркивая, что достижением когнитивной лингвистики является целостный взгляд на язык и мышление на базе понятия языковой картины мира, ведущего свою родословную от исследований В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, Л. Вайсгербера, логика К. Айдукевича. Среди исследователей, внесших вклад в развитие теории языковой картины мира в нашей стране, называются, прежде всего, имена Ю.Д. Апресяна, В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Н.И. Толстого и С.М. Толстой, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёва. В Польше своего рода манифестом нового направления — этнолингвистики — стал упомянутый выше «Словарь народных языковых стереотипов». Исследования были нацелены на язык народа, фольклор. В Люблине приступили к изданию журнала «Этнолингвистика» (“Etnolingwistyka”), а во Вроцлаве — периодического сборника «Язык и культура» (“Język a kultura”). В русле этого плодотворного направления увидело свет большое количество публикаций. Весомый вклад в разработку проблематики внесла А. Вежбицкая, разработавшая семантический метаязык на основе естественного языка, написавшая серию книг и статей, в которых она сопоставила в разных языках семантику ключевых слов *родина*, *свобода*, *дружба*, *смирение*, *смелость*, *душа* и др.

Можно быть только солидарным с Е. Бартминьски, который считает, что языковая картина мира представляет собой интерпретацию действительности, ибо в суждениях о мире, людях, событиях непосредственно содержится именно интерпретация действительности, а не её отражение. Это результат субъективного восприятия и концептуализации действительности носителями данного языка, индивидуальная и в то же время общественная картина. Она имеет познавательную ценность, содержится в первую очередь в разговорном языке и отражает представления обычного человека (*дорога бежит*, *солнце всходит и заходит*, растения делятся на *полезные и вредные*); она практична и конкретна. Картина мира, запечатлённая в языке, усваивается в процессе социализации человека, влияя на его образ мышления и поведение. Подчёркивается, что в пределах одного языка может существовать не одна картина мира, а более и причина этого — в делении языка на функциональные стили, жанры, социолекты. Проявлениями воздействия языковой картины мира являются средства выражения, актуализирующие закодированные в ней антропологические и культурные категории языка.

Среди языковых фактов, позволяющих реконструировать языковую картину мира, Е. Бартминьски в качестве очевидной основы познания мира называет лексику. Учёный рассматривает её как своеобразный инвентарь культуры и как сейсмограф, регистрирующий общественные, цивилизационные и культурные изменения. Предметом особого внимания Е. Бартминьски является семантическое развитие слов, их семантическое модифицирование через субъективный компонент, выливающийся в коннотации, энциклопедическое обогащение смыслов и их культурные приращения. Новое в лексике рождается из необходимости называть новые предметы (например, связанные с информатикой и электроникой), явления (*геном*), институты и ситуации (*мониторинг*, *роботизация*), из желания человека выразить свое отношение к действительности, назвать новые взгляды, позиции людей, направления мысли (*глобализация*, *антиглобализм*). Новые отношения в общественной жизни получают новые языковые свидетельства (*гражданское общество*). Е. Бартминьски показывает, что внутриязыковые изменения интенционала слов возникают под влиянием цивилизационных и культурных процессов — это касается, например, таких слов, как *równość* ‘равенство’, *praca* ‘труд’, *niepodległość* ‘независимость’. Значительные расхождения в понимании слов наблюдаются в межязыковом и межкультурном плане — если взять, к примеру, такие понятия, как *народ*, *демократия*, *свобода*, *родина*.

Обновленный взгляд находим у автора монографии на понятие внутренней формы слова. Проблемы внутренней формы слова рассматриваются Е. Бартминьским с точки зрения живых и отживших

словообразовательных процессов, не просматривающихся с точки зрения современного языка (как, например, названия славянских богов — *Даждьбог, Ярило...*). Так, планета Венера, в зависимости от времени её появления, может получать названия, связанные с её интерпретацией: например, *Poranna Jutrzenka* ‘Утренняя зорька’ или, например, *Gwiazda Wieczorna* ‘Вечерняя звезда’). На этой же базе анализируются способы концептуализации явлений природы: нередко в самих словах содержится призма, через которую человек смотрит на какие-то явления.

В русле дифференциального подхода исследователь пишет о сущности когнитивных дефиниций. Характерный момент для методов, применяемых в работах Люблинской школы, — это её отход (уже давний) от такого типа дефиниций, в которые включаются лишь необходимые и достаточные элементы. В состав так называемой когнитивной дефиниции, применяемой в Люблинской школе, входят и неядерные, коннотативные компоненты. Когнитивная дефиниция предполагает развернутую характеристику предмета в широкой сети его взаимосвязей, что позволяет воссоздать его лингвосоциокультурный образ, то есть стереотип. В словаре стереотипов все словарные статьи строятся подобным же образом. Е. Бартминьски подчёркивает важность выделения в рамках когнитивной дефиниции семантических подкатегорий. В качестве релевантного компонента описания языковой картины мира рассматривается выявление лексико-семантических полей, их количества и качества, внутренней организации; экспонирование гипо-гиперонимических взаимосвязей полей и их элементов; синонимических, антонимических, деривативных компонентов и синтагматических реляций с точки зрения семантических ролей. Е. Бартминьски подчёркивает роль точки отсчета для составления когнитивной дефиниции — например, как мы будем рассматривать *blawatek* ‘василёк’ — как *растение, цветок* или *сорняк* (выделение такой категории вытекает из прагматического взгляда на мир).

Выражая свое отношение к фразеологизмам и метафорике, Е. Бартминьски полагает, что фразеологическая картина мира связана с историческими знаниями, доступ к которым открывают знания этимологические.

Интересные ракурсы открывает Е. Бартминьски в восприятии текста, обращая внимание, в частности, на то, что о текстах говорят в метафорических категориях: *острый, резкий, может ранить...*; *autor maluje coś w jakichś barwach, porusza czułą strunę* ‘автор рисует что-то в каком-то цвете; затрагивает тонкую струну’. В отношении текста применяются разные метафорические модели, однако действие метафоры селективно (экспонируются отдельные признаки или пучок признаков).

Для реконструкции языковой картины мира важны и так называемые «приязыковые знания» о мире, общие для отправителя и получателя, связанные, прежде всего, убеждениями и верованиями — без таких невозможны ее правильная интерпретация и понимание. К таким знаниям Е. Бартминьски относит, в частности, понимание метафорических и мифологических предложений типа *Солнце радуется; Звезды глядят на нас; Небо гневается; Земля родит*.

Основой исследования языковой картины мира являются тексты. Текст может рассматриваться в коммуникативном плане как проявления системы и как собрание грамматических правил. При этом может быть выделена, с одной стороны, относительно стабильная языковая картина мира, с другой стороны, текстовая картина мира — изменчивая, формируемая узусом. Текст может рассматриваться как целостная высокоорганизованная лингвокоммуникативная единица, статус которой сопоставим со статусом лексической единицы.

Фольклорные тексты рассматриваются Е. Бартминьским как имеющие особую ценность в связи с отражением ими «обобщённой народной мудрости» и их поучительной направленностью. Тексты фольклора «любят» оперировать крупными квантификаторами типа *каждый, никакой, всегда, никогда*; они содержат стереотипы и типизацию событий, которые могут послужить языковыми свидетельствами при реконструкции языковой картины мира. В этих текстах фигурируют целые повторяющиеся сценарии (стереотипные мотивы) поведения и действий, соответствующих социально принятым ролям. Содержащиеся в них суждения о людях, предметах и событиях представляют собой готовый материал для реконструкции лингвокультурной картины мира и создания когнитивных дефиниций. Для исследователя языковой картины мира в текстах важно выделить *очевидное, неоспоримое, тривиальное*.

Языковая картина мира по сравнению с реальным миром рассматривается Е. Бартминьским как вторая действительность (в подаче эмпирических наук), соотносимая с системой ценностей. Фрагментами языковой картины мира являются стереотипы, представляющие собой коллективные, обычные представления о людях, вещах и событиях. Когнитивная дефиниция являет собой итог анализа стереотипов. Для реконструкции языковой картины мира важно выявить закономерности (связанные, например, с процессами соматизации, анимизации, персонификации). Эти процессы наглядно демонстрируются Е. Бартминьским на примере тщательного описания стереотипов — например, стереотипа *солнца* в польской народной культуре, стереотипа *матери* (ставшего основой для создания когнитивной дефиниции), стереотипа *дома* в его физическом, социальном и культурном аспектах, стереотипа *родины*

в польском языке и его идеологических профилей, стереотипов *судьбы* и *доли* в польском и русском языках, стереотипов *левых* и *правых* и др.

Завершим нашу презентацию книги констатацией, что в ней содержится целостная концепция теории языка с человеком как её средоточием. Коммуникативная функция языка представлена в ней как непосредственно связанная с когнитивной функцией, восприятие реальности увязано в ней с системой ценностей. Успех коммуникации во многом зависит от соответствия, взаимоувязанности ценностей и взгляда на мир. Это не противоречит тому, что с помощью языка можно создавать ситуации. Взаимодействие между языком, говорящим субъектом и реальностью осуществляется в широком контексте межкультурной коммуникации, в которой могут проявляться барьеры. Различия между Восточной и Западной Европой велики; они распространяются и на народы Центральной Европы, которые, как полагает Е. Бартминьски, пребывают между Западом и Востоком и ищут новые пути коммуникации с международным сообществом и в глобальном контексте тоже. Этнолингвистика в её когнитивном варианте служит диагностом источников лингвистического непонимания между народами.